

ГЛАВА 1. СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ И ОБРАЗ БУДУЩЕГО МОЛОДЁЖИ В БИОГРАФИЧЕСКИХ НАРРАТИВАХ УСПЕШНОСТИ

1.1. Исследование “образа будущего” российской молодёжи: концептуальный фундамент

Категориальное поле современной социологии представляет собой мозаику конкурирующих языков описания социальной реальности, каждый из которых базируется на философских основаниях и имеет длительную историю. Не считая политико-идеологического и обыденного словоупотребления, “образ будущего” как ключевое для нашего исследования понятие предполагает значительное количество научных импликаций в различных теоретических традициях. Оставив за пределами анализа античную и средневековую трактовку понятий «образ», «будущее» и их комбинаций, обратимся к логике их употребления в философском и социологическом дискурсе Нового времени и современности, а также попытаемся обосновать, какая из этих концептуализаций в большей степени соотносится с эмпирическими задачами нашего исследования.

1.1. Понятие «образ будущего» в категориальном поле феноменологии

Категория «образ» в повседневной речи ассоциируется со сферой воображаемого, однако в широком смысле не сводится к ней. Ведь речь далеко не всегда идет о порождении интуиции или чистого бессознательного, напротив, для создания образа (например, в рамках художественного произведения или стилизации) зачастую требуются значительные рациональные усилия. Каково же соотношение аффективного, воображаемого и рассудочного в “образе будущего”? Традиция философской феноменологии (от И. Канта и неокантианцев к Э. Гуссерлю и А. Шютцу) позволяет нам сформировать первичный способ описания, предоставляя категориальный ряд и концептуальные решения, заложившие основу исследовательской аксиоматики многих социально-гуманитарных наук.

С позиции кантианства, любой образ является порождением внутреннего мира человека. Когда субъект размышляет о будущем, разрозненные, с трудом схватываемые, мимолётные качества окружающего его мира он пытается свести в единый феномен в собственном сознании, для чего он прибегает к усилиям рассудка (практического разума). Только после этого результаты и выводы могут быть выражены в речи и восприняты в процессе коммуникации другим субъектом. «Я» представляю будущее и воспринимаю его образ в рамках предзаданной системы категорий чистого разума, являющихся априорными условиями всякого возможного опыта. Размышления человека о будущем возможны благодаря чистой трансцендентальной категории «времени», которая, как и категория «пространства» «относится к своим предметам, ничего не заимствуя из опыта для представления о них [5]».

Следовательно, понятие «образ будущего» в кантиантской перспективе может быть сформулировано лишь путём эмпирической дедукции. *Основываясь на наличествующих в сознании субъекта представлениях относительно возможных событий, «образ будущего» артикулируется только в понятиях предшествующего опыта.* Рефлексия, предполагающая возможность связи прошлых и будущих событий, осуществляется благодаря работе рассудка, связывающего данные многообразные элементы в синтетическое единство [5]. Однако, в силу того, что трансцендентальная категория «времени» может быть дана нам только в чувственно переживаемом опыте, «образ будущего» также невозможно включить в систему рассудочных категорий. В таком случае, является ли он восприятием, т.е. «представлением, сопровождающимся ощущениями [5]»? Нет, так как будущие события не даны нам в непосредственном чувственном созерцании, поэтому мы не можем их воспринимать. Следовательно, необходимо обратиться к кантовской категории воображения как способности представлять предмет без его присутствия в созерцании. Воображение, с одной стороны, есть способность а priori определять чувственность, а с другой стороны - оживлять рассудочные понятия в сознании. Рассудочный компонент связывается у И.Канта с формой мысли, чувственный же формирует смысл и значение явлений [5]. Следовательно, в кантианстве *формируемый воображением «образ будущего» в сознании людей есть форма априорного познания возможного опыта (рис. 1).*

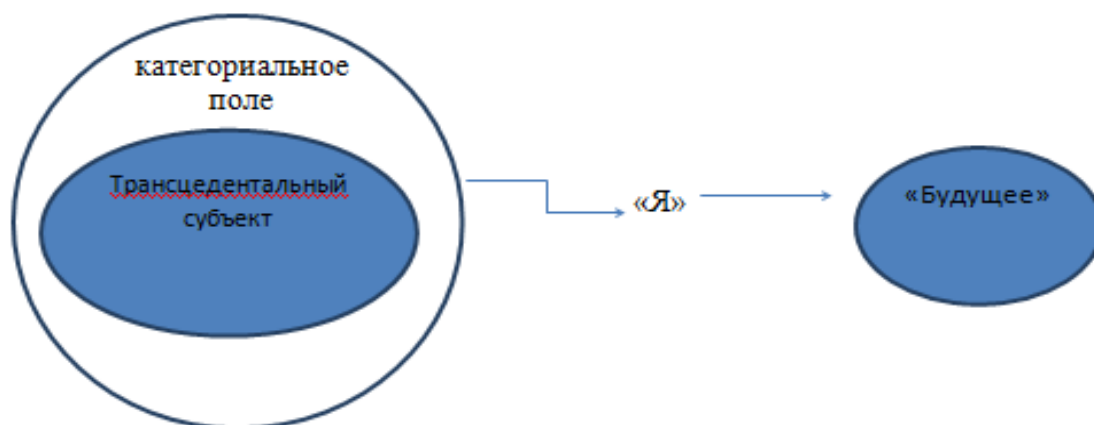

Рис. 1 – «Образ будущего» в кантианской перспективе (И. Кант и неокантианство)

В феноменологии Э. Гуссерля индивидуальное сознание субъекта разделено на два компонента: «ноэзис» («Я») как исходный пункт действия и «ноэма» (в нашем случае, «будущее») как конструируемый в сознании феномен, на который интенционально направлено «Я». Как и в феноменологии И. Канта, реальное будущее недоступно непосредственному восприятию и может быть воссоздано лишь в категориях рассудка и апперцепции несуществующего объекта в качестве феномена сознания [3]. Физическое время нерелевантно феноменологическому анализу, оно схватывается лишь в категории темпоральности - внутреннего переживания времени как длительности и

последовательности событий. Вместе с тем, образ будущего в сознании личности опосредуется тремя временными измерениями, в которых она находится (обратимся здесь к рецепции А.Шютцем [9] гуссерлианской феноменологии). Во-первых, это имманентный поток внутреннего времени, конституирующий наши переживания относительно грядущих событий. Во-вторых, субъективное пространство-время конституированных событий, которое совпадает с их нозетической продолжительностью в нашем восприятии. И в-третьих, интерсубъективное время, априорно складывающееся в единый поток все субъективные переживания времени и создающее, таким образом, объективное время как общее для тебя и Другого в рамках жизненного мира. Данная таксономия даёт возможность *изучать конструирование образа будущего в социальном мире в его соотнесенности с индивидуальным переживанием времени.*

Рис. 2 – “Образ будущего” в феноменологической перспективе
(Э. Гуссерль, А. Шютц)

Вторым важным постулатом феноменологического метода в трактовке Э. Гуссерля и А. Шютца является исследование *проективной работы сознания через ретроспективное обнаружение типического в человеческом опыте*. Типизация ожиданий будущего поведения, как своего собственного, так и других субъектов коммуникативного окружения осуществляется благодаря аналогии с предыдущим опытом и мотивами действия [9, с. 27]. Посредством воображения «Я» переносится в контекст возможного опыта и, исходя из имеющегося знания собственной личности, создаёт проективные модели своего поведения в будущем. Что касается представлений о поведении других людей в будущем, то оно становится возможным благодаря воображаемой эмпатической кооперации, когда мотивы их действий трансформируются в «квазимотивы» личности, осуществляющей данную проекцию. Следовательно, *образ личного будущего и будущего состояния жизненного мира возможен благодаря действию двух основополагающих механизмов – типизации предшествующего опыта и пониманию посредством эмпатии, являющейся фундаментальным свойством интерсубъективного коммуникативного пространства.*

1.2. Понятие «образ будущего» с позиции объектно-ориентированной теории

Проиллюстрируем логику данного подхода идеями Г. Хартмана. Сцепка «Я»/«Будущее» порождает новый объект «Я в будущем», обладающий всеми необходимыми онтологическими качествами, чтобы быть описанным с помощью категории объекта: «все что угодно, обладающее единой реальностью, автономной относительно как её более широкого контекста, так и её составных частей [8, с. 116]» Несмотря на то, что он принадлежит к сфере воображаемого, этот новый объект может быть раскрыт в терминах его сущностных качеств, однако при этом он не сводим к ним. С позиции объекта-ориентированной онтологии, идеальные объекты следует описывать в тех же категориях, что и объекты материальные, в силу того, что действия, ими порождаемые, способны оказывать столь же существенное воздействие на человеческое существование.

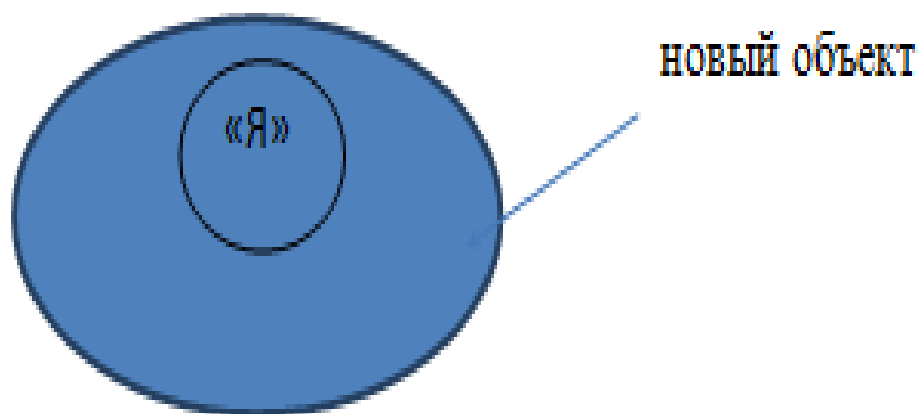

Рис. 3 – Объектно-ориентированная перспектива (Г. Хартман)

1.3. «Образ будущего» как понятие бергсонианской традиции (А. Бергсон, Ж. Делёз)

Долгое время, находясь на периферии философской традиции, идеи А. Бергсона [2] стали вновь востребованы в последней трети XX века, после поворота к множественности в социальных науках, популяризации нестабильных онтологий и утраты мыслящим субъектом своей гегемонии в философской мысли. В работах А. Бергсона образное и интуитивное восприятие окружающей реальности постулируется в качестве первичного и важнейшего механизма мышления. Образы, являясь визуализированными в сознании человека ощущениями, формируют его представления об окружающей действительности и о самом себе. Конструирование образа мира, восприятие текущего момента и совершение тех или иных действий в настоящем возможны, по А.Бергсону, благодаря механизму памяти. Постоянное взаимопроникновение восприятий прошлого и настоящего формирует субъективное время индивида как текучую «длительность».

Рецепция Бергсона Ж. Делёзом [4] вернула его идеям незаслуженно угасшее внимание научного сообщества. Сознание лишается привилегированного положения в современной социальной-философской мысли, мир становится децентрированным и более не замыкается на мыслящего субъекта и его восприятие. Философ множественности, Ж. Делез, развивая идеи А. Бергсона в новом ключе, рассматривает сознание в плане имманентной длительности: постоянно претерпевая изменения, оно находится в непрерывном движении. Однако процессуальность присуща не только человеческому сознанию, но и всем другим телам, в том числе материальным объектам и образам. *«Я» является образом в силу своей непрерывной изменчивости; претерпевая воздействие внешних образов, сознание конституирует и понимает само себя.* Концепт образа у Ж. Делеза в самом общем виде – это «множество того, что явлено», «путь, по которому во всех направлениях происходят модификации [4, с.77]».

Значит ли это, что образ будущего воздействует на наше понимание образа собственного «Я»? Несомненно, это вытекает из делезовских построений. Идентичность, основанная на самосознании, не является стабильным и устойчивым образованием, это непрерывно становящаяся длительность, образующая временные (ситуативные) единства из наличествующих и заранее данных множеств. *«Образ-будущее», как идея некоторого состояния, обретает качества объекта вовсе не внутри нашего замкнутого и интенционально направленного сознания, как полагали феноменологи, а конституируется множеством внешних условий, т.е. других образов, собранных внутри моего коммуникативного, институционального и информационного пространства.* Только после этого наше индивидуальное «Я», то, каким оно явлено в настоящий момент, вступает во взаимодействие с этим внешним «образом-будущим», тем самым непрерывно трансформируя собственную сущность (идентичность в социологических терминах). Хотя в делезианской вселенной образов не существует единого воспринимающего и действующего центра, субъективность, тем не менее, наделяется особым статусом как образ воспринимающий, а следовательно, обладающий способностью варьировать воздействие других образов и выстраивать их в систему. Ж. Делез пишет о нескольких модусах связи образов и индивидуальной субъектности. Попробуем связать их с нашим концептом «образа будущего».

- «Образ-перцепция». Образ формируется посредством сенсомоторной перцепции, т.е. в процессе восприятия органами чувств и двигательными центрами. Воспринимаемый образ, как дан нашему сознанию, отличается от «образа в себе» в силу избирательности перцептивного процесса. Субъект всегда вычитает из образа вещи то, что не представляет интереса. Следовательно «образ-будущее» производится посредством отбора некоторых характеристик воздействующих на субъекта образов и выстраивания их в порядок релевантности.

- «Образ-действие». Процесс восприятия искривляет первоначальный образ и окружающий мир вокруг перцептивного центра (индивидуального сознания) с позиции вовлеченности в предзаданный порядок релевантности. Ж.Делез пишет: «Путём искривления, воспринимаемые вещи тянутся ко мне полезной для меня гранью, в то время как моя отложенная реакция, превратившись в действие, учится их использовать [4, с.84]». «Образ-Я» и «образ-будущее» находятся в процессе непрерывного взаимного конструирования, каждый из них при этом обладает виртуальностью как возможностью совершения действия или перехода в качественно иное состояние. При этом между ними всегда существует дистанция, опосредующая их влияние друг на друга. Делёз пишет об этом: «Воспринимая вещи там, где они находятся, я улавливаю «виртуальное воздействие», оказываемое ими на меня, одновременно с «возможным воздействием», оказываемым на них мною, ради того, чтобы их догнать либо от них убежать, уменьшая или увеличивая дистанцию [4, с.84]». Выстраиваемый субъектом «образ-будущее», следовательно, может быть приближен или отдалён путём совершения тех или иных действий. Предвосхищающая перцепцию дистанция между внешними и внутренними образами, тем самым, задаёт априорные условия возможности действия. Схематически данная концептуальная схема представлена на *рис.4*.

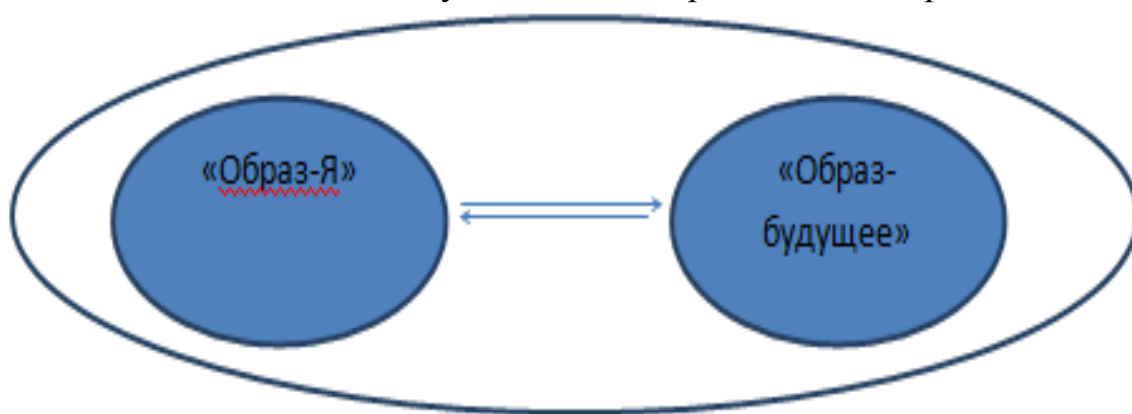

Рис. 4 – «Образ будущего» в бергсонизанской перспективе (А. Бергсон, Ж. Делез)

- «Образ-эмоция». Эмоция у Делёза располагается между «смущающей перцепцией и нерешительным действием [4, с.85]». Однако эмоциональную окрашенность любого действия и восприятия, по его мысли, нельзя считать побочным продуктом функционирования связки «перцепция-действие». Напротив, именно эмоции формируют самосознание, внутреннее ощущение собственной единичности и целостности.

Исходя из вышеизложенного, обнаруживается оппозиция между исходными аксиоматическими допущениями кантовской и гуссерлианской феноменологии, исходящей из традиционной субъект-объектной дихотомии, и теориями, отрицающими привилегированное положение мыслящего субъекта. Нам следует использовать теоретический фрейм, являющийся наиболее операциональным с позиции решен практических задач.

1.2. Методология эмпирического анализа образа будущего в сознании молодых людей

Конвенциональная трактовка социологического метода и предмета очерчивает «социальное» как особый регион, отличный от материального и психического. Исходя из приоритета социального, мы не вправе наделять «образ» собственным онтологическим статусом и сущностью, отличной от производящего его субъекта. Следовательно, социолог должен оставаться в пределах картезианской установки «человек-мир», чётко разделяя наделенного разумом субъекта действия и пассивные объекты внешнего мира, на которые это действие направлено. «Образ» в этом случае не способен порождать системные или внутриличностные эффекты, являясь продуктом человеческого мышления, а не автономной сущностью.

Субъект, однако, вовсе не является единственным носителем знания для социолога. В традиции, базирующейся на качественной методологии, любое знание воспринимается как intersubъективный конструкт, следовательно, информант и исследователь в равной степени являются субъектами, производящими знание и способы его трансляции. Обращаясь к человеку посредством опросных методов, социолог, в попытке зафиксировать тот или иной образ в его сознании, осуществляет двойную интерпретацию: вначале этот образ intersubъективно воссоздается когнитивным усилием и чувственным представлением под воздействием внутренних или внешних побуждающих сил в ходе проведения исследования, затем дополнительные компоненты этого образа и смыслы, ими порождаемые, формулируются исследователем в процессе аналитической работы.

“Образ будущего” в рамках нашего исследования определим как совокупность черт конструируемого рассудочно и аффективно феномена «будущего» в сознании людей. Данный феномен имеет важнейшее ценностное и целеориентационное значение для субъекта, оказывая влияние на направленность его действия, восприятие текущей социальной действительности, процесс самоидентификации, межличностную коммуникацию в повседневных взаимодействиях и избираемые формы, и способы социальной мобильности в рамках институциональных структур.

Нам представляется, что для исследования алгоритмов социальной мобильности молодёжи и роли образа будущего в стратегиях социального продвижения аналитических возможностей данных, полученных в результате использования количественных социологических методов, недостаточно. Результаты массового опроса очерчивают наиболее общие тенденции и позволяют сделать выводы о степени их распространённости, однако не позволяют понять и интерпретировать глубинные механизмы формирования подобных установок и способы их реализации в повседневной жизни. Для выявления социально-типического мы вправе использовать комбинацию количественных и качественных методов.

В рамках данного раздела использовались два основных метода сбора и анализа данных. Как известно, качественный анализ случая не даёт возможности прямого обобщения, однако предоставляет диапазон интерпретационных возможностей. Ввиду этого представляется целесообразным предварить качественное исследование выявлением общих стратегий и алгоритмов социальной мобильности молодёжи, используя возможности количественных методов. Поэтому логику раздела можно описать следующими *фазами исследования*:

1. Кластерный анализ результатов массового опроса, позволяющий выявить модальные типы представлений респондентов о жизненном успехе и стратегиях его достижения. Опрос был реализован в сети Интернет при помощи сервиса «Survey Monkey» в 2015 году. Объектом исследования выступили молодые люди в возрасте от 15 до 30 лет (школьники старших классов, студенческая молодежь, молодые специалисты), проживающие на территории Тюменской области, Ханты-Мансийского автономного округа – Югры и Ямало-Ненецкого автономного округа. В исследовании использовался целевой тип выборки, общий объем которой составил 1252 человека. Обработка результатов исследования осуществлялась с помощью статистического пакета IBM SPSS Statistics, версии 19. Основным видом анализа, позволившим осуществить типологизацию молодежи на основании ключевых показателей, характеризующих оптимальные пути достижения жизненного успеха в будущем, выступил иерархический кластерный анализ с использованием метода Варда и меры квадрата Евклидова расстояния. Анализ таблиц сопряженности позволил выявить корреляцию между разделяемыми представителями выявленных кластеров способами социальной мобильности и их восприятием личного и социального будущего.

2. Лейтмотивное биографические интервью, заданное доминирующим нарративом «успешности», в общественном мнении ассоциирующей со статусной позицией человека в институциональных иерархиях. В качестве информантов были избраны девять человек в возрасте до 35 лет, являющихся состоявшимися профессионалами и занимающих руководящие должности в организациях. Отбор информантов осуществлялся на основании их типических характеристик как представителей социально-демографической группы молодых людей среднего класса, которую условно можно разделить на «молодежь» (до 30 лет) и «молодые взрослые» (30-35 лет). Продление «молодежного возраста» до 35 лет представляется нам уместным ввиду изменения восприятия возрастных границ внутри жизненного пути личности в пределах социальной реальности современной глобальной городской культуры. Для обеспечения доверия в процессе беседы выборка производилась методом снежного кома, начиная с ближайшего окружения исследователя. Принадлежность информантов к различным сферам профессиональной деятельности также являлась решающим критерием их отбора. Нами были избраны как традиционные, так и новые, динамично развивающиеся и востребованные молодёжью сферы – бизнес, менеджмент, IT, политика и общественная деятельность, туризм, дизайн, СМИ. Каждое интервью длилось

1,5 – 2 часа и структурировалось в процессе проведения согласно логике, заложенной в гайде (см. приложение). Размер выборки является достаточным, ввиду специфики избранного концептуального аппарата исследования. Феноменологический подход к анализу интервью предполагает возможность насыщения выборки в границах от 5 до 25 интервью [6, с.105].

С позиции текущих исследовательских задач, фундаментальным является ряд положений социологии повседневности А. Шютца [9, с.319-320], базирующихся на феноменологии Э. Гуссерля и понимающей социологии М. Вебера. Они задают аксиоматику дальнейших концептуальных построений и эмпирических выводов. Рассмотрим данные принципы подробнее и обоснуем возможность их применения в исследовании образа будущего социальных групп.

- В повседневной жизни человек описывает своё будущее в терминах заранее сложившегося комплекса знаний, присутствующего в его сознании в настоящий момент. С позиции нашего исследования, использование биографического метода помогает проследить общую *траекторию формирования текущего запаса знаний* в перспективе первичной рефлексии информанта и выявить взаимосвязь компонентов конструкта «будущего» с событиями его предшествующего опыта.

- Человек испытывает интерес по поводу тех событий, которые он предвосхищает. Он вырабатывает установку согласия или несогласия с данным возможным сценарием, а также стратегию поведения в его рамках. В эмпирическом исследовании мы можем выявить *проектируемые реакции на текущие и возможные в будущем события*: согласие – принятие, несогласие – избегание/терпение/влияние на их ход.

- Эти предвосхищения оказывают решающее воздействие на планы человека и мотивацию его действий. Как субъективные смыслы, компоненты образа будущего обладают для него значимостью, и переживается эта значимость в категориях «надежд» и «страхов».

- Представления о будущем не вытекают только из непосредственно пережитого опыта. Большая их часть базируется социальном опыте, то есть приобретенном членами ближайшего окружения человека. Поэтому целесообразно выявление *агентов влияния на суждения информанта* в рамках его жизненного мира, как в текущем состоянии, так и в предыдущие фазы его жизненного пути.

- Предвосхищения в повседневной жизни возможны благодаря процессам *идеализации* и *формализации*. Вслед за Э. Гуссерлем, А. Шютц выделяет два типа идеализации: «и так далее» (допущение значимо, пока не появится свидетельство противоположного; знание, бывшее до сих пор адекватным, может быть применимо и в будущем) и «я могу это снова» (своими действиями я могу создать положение вещей, схожее с тем, которое я вызывал аналогичными действиями в прошлом). Выявление *устойчивых типических черт воображаемого будущего* в сознании информантов возможно лишь посредством опоры на структурные характеристики их текущего запаса знания о жизненном мире. Аналитическое вычленение «я-идеала» в вербализи-

рованном потоке сознания информанта представляет собой исследовательскую рефлексию (т.е. рефлексию второго порядка), позволяющую соотнести планы, проекты и мотивы индивидуальных действий с представлениями о жизненном мире и его динамике. Акцентирование информантом желаемого образа идеального «Я» отражает два модуса проектирования будущего: вероятность событий и диапазон возможностей. Формализация также предполагает двух-уровневый процесс: первичные формы, которые организуют нарративные построения, и аналитические инструменты, связанные с обращением к типическому в них. Вторичная типизация позволяет осуществить обобщение и сравнение их высказываний в интересах исследовательских задач.

• Важнейшим компонентом образа будущего являются планы. По мысли А. Шютца, *процесс планирования имеет биографическую детерминацию*: «Онтологическая структура универсума навязана мне и определяет *рамки* всей моей возможной независимой деятельности. В этих рамках я должен сориентироваться и установить отношения с содержащимися там элементами... каузальные отношения объективного мира субъективно переживаются как возможные средства для возможных целей, как препятствие или помощь для моего свободного мышления или действия [9, с.327]». Следовательно, необходимо проследить, *как информант выстраивает каузальные связи в рамках его жизненного мира и насколько они, с его точки зрения, способствуют или мешают реализации планов*. Текущие представления об объективных корреляциях внешнего мира как структурных ограничениях или возможностях позволяют человеку обозначить направление движения и его траекторию, однако при этом сохраняется открытый *горизонт неопределённости планов* как конструкторов сферы воображаемого. Тем не менее, план формирует *систему релевантностей*, т.к. позволяет осуществлять отбор элементов в рамках наличного комплекса знаний и их иерархического упорядочение. Способность к планированию в целом отражает *степень рефлексивности личности*.

1.3. Образ будущего и типичные представления о жизненном успехе: кластерный анализ результатов массового опроса

Анализ влияния образа будущего на выбор жизненных стратегий в границах одного российского поколения не замыкается на поиске алгоритмов достижения личного успеха, но также предполагает выявление основных компонентов образа справедливого общественного устройства, процветания и величия страны, так как данные понятия традиционно трактуются как «ментальные» характеристики российской нации. Принятие решений относительно этапов личного жизненного пути соотносится с оценками общей логики и направленности развития российского общества. Итак, на данном этапе исследования были поставлены задачи:

- разработка эмпирической типологии алгоритмов социальной мобильности нового поколения с учетом специфики российской социальной реальности;

- определение приоритетов личностных и социальных перспектив в образе будущего современной молодежи в зависимости от избранного алгоритма мобильности.

Задача выявления базовых алгоритмов социальной мобильности молодежи решалась посредством анализа содержания представлений об индивидуальном благополучии и избираемых путях его достижения, которые представляются молодежи наиболее эффективными. Для анализа был избран вопрос: *«Каким ты видишь для себя наиболее оптимальный путь достижения жизненного успеха в будущем?»*, где респондентам предлагалось выбрать не более трёх вариантов. В результате кластеризации удалось выделить *восемь модальных типов, обладающих различными представлениями о содержании жизненного успеха и стратегиями его достижения*. Группам были присвоены условные имена, указаны типобразующие признаки и объём каждого кластера в процентах от общего числа опрошенной молодежи:

1. **«Золотая молодёжь» (16,8%)**: *получение диплома престижного вуза (79,1%) - проживание за границей (40,3%)*. При этом представителей данного кластера интересует именно наличие диплома, а не содержание образования. Эта группа молодежи из семей с наиболее высоким достатком (почти 40% респондентов отметила, что доход семьи высокий или выше среднего).

2. **«Креативный класс» (14,9%)**: *наличие таланта и незаурядных способностей (62%) – постоянное самообразование (63,6%) – стремление, упорство в достижении целей (53,5%) - удачное стечение обстоятельств (52,4%)*. Представители данной группы не доверяют официальным каналам социальной мобильности, таким как университетское образование, предпринимательство или удачный брак, ориентируясь исключительно на собственные уникальные навыки и талант. Вера в счастливую случайность для них не предполагает бездействия, напротив, удачное стечение обстоятельств, сопутствующее жизненному и карьерному прорыву, в их представлении возможно лишь на твёрдом фундаменте личностного самосовершенствования. Обращает на себя внимание, что данная группа является единственной, для которой достаточно значимым оказался фактор «умение использовать ресурсы Интернета, социальных сетей» (10,2%).

3. **«Бизнесмены» (13,6%)**: *открытие своего дела (99,4%) – постоянное самообразование (68,8%) – стремление, упорство в достижении целей (55,3%)*. Молодые люди, ориентированные на предпринимательство, делают ставку на непрерывный труд, не надеясь ни на социальные институты, ни на удачу, ни на собственный творческий потенциал. Притом, что в данном кластере наиболее высок выбор варианта ответа «создание чего-то радикально нового (например, бизнес-идея, научное открытие)», вместе с тем, мы не можем включить данный показатель в алгоритм социальной мобильности, т.к. его важность подчеркивают лишь порядка 15% респондентов.

4. **«Семьянины» (13%):** удачный брак (67,5%) – открытие своего дела (54%) – родственные и дружеские связи (40,5%). В данные кластер включены молодые люди, у которых ярко выражена ориентация на семейные ценности и межличностные отношения. Воспринимая дружеские и семейные связи как непереносимое условие социальной успешности, они также заботятся о материальном благополучии, оптимальным способом достижения которого считают собственный бизнес. Обращает на себя внимание факт незначительного разрыва в гендерном составе участников группы: 55,9% женщин, 44,1% мужчин.

5. **«Отличники» (9,4%):** получение качественного образования (95,8%) – стремление, упорство в достижении целей (40,7%). Молодёжь данного типа доверяет традиционным образовательным институтам и считает грамотный выбор учебного заведения, качество образования и собственные усилия, направленные на усвоение знаний, важнейшим условием жизненного успеха в будущем. Самообразование для данной группы не столь важно, как для других типов (всего 31,4%).

6. **«Интеллектуалы» (13,3%):** постоянное самообразование (88%) – стремление, упорство в достижении целей (87,3%) – получение качественного образования (37,3%) – правильные учителя и наставники (30,7%). Считая образовательный фактор важнейшим, как и представители пятой группы, молодёжь данного кластера не готова перекладывать ответственность за собственное будущее на официальные институты. Отчётливо наблюдается личностная, а не институциональная ориентация представителей этой когорты: они полагаются на собственные силы, но в то же время осознают необходимость в грамотных наставниках, способных направить их на пути к достижению цели. В данной группе, как и в предыдущем кластере «отличников», преобладают девушки (свыше 60%).

7. **«Пиарщики» (6,7%):** умение устанавливать отношения с «нужными» людьми (98,8%) – стремление, упорство в достижении цели (60,7%) – открытие своего дела (42,9%). Молодёжь данного типа рассматривает коммуникативные навыки и настойчивость как достаточные основания успеха в жизни. Полагаясь на социальные связи и имиджевые характеристики, такие как умение, преподнести себя с лучшей стороны или «продать» некую идею, они практически не ценят содержательные качества, например, образование. Значительная часть представителей данной группы (42,9%) делает ставку на предпринимательскую деятельность в будущем.

8. **«Прирождённые лидеры» (12,3%):** харизма, особые личностные качества, умение влиять на людей (95,5%) – постоянное самообразование (71,4%) – стремление, упорство в достижении цели (40,9%). К этому типу относятся молодые люди, уверенные в решающей роли личностной харизмы в достижении жизненного успеха. При этом они ориентированы на самосовершенствование и готовы прикладывать усилия в стремлении достичь желаемого.

Рассмотрим далее различие приоритетов личностных и социальных перспектив в образе будущего современной молодежи применительно к выделенным кластерам. Инструментарий исследования содержал ряд блоков, направленных на выявление наличия/отсутствия образа будущего у молодёжи и отношения к нему. Отношение к образу будущего включало в себя оценку таких параметров, как образ личного будущего и планы относительно него, оценка наличия/отсутствия образа будущего у сверстников, представления о будущем страны, необходимость планирования будущего, страх или уверенность перед будущим, отношение к различным составляющим образа личного будущего (семья, материальное положение, трудовая сфера, власть, престиж и слава, место жительства).

Образ личного будущего представителей разных социальных типов молодёжи достаточно оптимистичен, но не лишён противоречий. Подавляющее большинство молодёжи (от 60 до 75%) во всех типологических группах заявляют, что смотрят в будущее *«с уверенностью и оптимизмом»*. Вместе с тем, значительное количество молодых людей испытывают страх перед будущим: порядка 40% «креативного класса» и «семьянинов» не уверены в собственном благополучии в будущем. Увереннее всех чувствуют себя «маркетологи» и «бизнесмены».

От 73 до 78% молодых людей во всех кластерах уверены в том, что о будущем стоит задумываться и планировать его. Исключение составляют «золотая молодёжь» и «семьянины», в которых число респондентов, предпочитающих жить сегодняшним днём несколько выше. Очевидно, что молодые люди, ставящие влияние внешних факторов выше собственных усилий, осознают их непредсказуемость и риски, связанные с реализацией такого рода стратегий достижения социального статуса.

В оценке доминирующих представлений о будущем своего поколения мнения респондентов распределились поровну во всех кластерах: половина молодёжи полагает, что *«У современной молодежи есть ориентиры и видение будущего своей страны»*, вторая половина считает, что *«Большинство моих сверстников живут «сегодняшним днем», не думая о своем будущем»*. Подобная поляризация ответов может свидетельствовать как о несформированности мнений относительно данного вопроса, так и о реальном наличии двух альтернативных точек зрения на собственное поколение.

В оценках будущего страны большинство молодёжи декларирует приверженность патриотическим ценностям, ориентацию на собственный путь развития и важность стремления России к мировому лидерству. Так, в ответе на вопрос *«Наша страна сегодня переживает непростые времена. Как ты считаешь, какой путь её развития наиболее предпочтителен?»* от 30 до 40% представителей каждой типологической группы ответили, что *«Мы должны отстаивать собственную национальную идею, идти своим путём»*. Такое же количество респондентов не удовлетворяет уникальность и специфичность курса развития, они ориентированы на более амбициозный путь развития, полагая, что страна должна восстановить статус мирового лидера (*«Нам следует восстанавливать и укреплять*

авторитет страны, стремясь, стать доминирующей мировой державой)). Ориентацию на сближение с быстроразвивающимися азиатскими странами как наилучший сценарий рассматривает от 9 до 23% респондентов в каждой группе, наиболее высоки данные оценки в группах «маркетологов» и «прирождённых лидеров» (свыше 20%). Западноевропейская и американская модель развития как эталон для России практически не привлекают молодёжь (3 – 5% в каждой группе), исключение составляют «бизнесмены», 8,8% которых отметили данный вариант как оптимальный для нашей страны. Данные оценки, на наш взгляд, вписываются в общую логику сопротивления русского народа насильственной модернизации по западному образцу, а также в значительной степени спровоцированы текущей политической ситуацией очередной волны конфронтации России и западного мира. Наибольшее количество молодых людей, не сформировавших собственной позиции по данному вопросу, наблюдается в группе «семьянинов» (15,3%) и «маркетологов» (10,7%), в большей степени ориентированных на сугубо семейные или личные интересы.

Как показывает рис. 5, около 30% молодёжи каждой типологической группы заявляет о готовности терпеть временные трудности, связанные с национальной геополитикой, ради достижения высокой цели укрепления авторитета страны на международной арене.

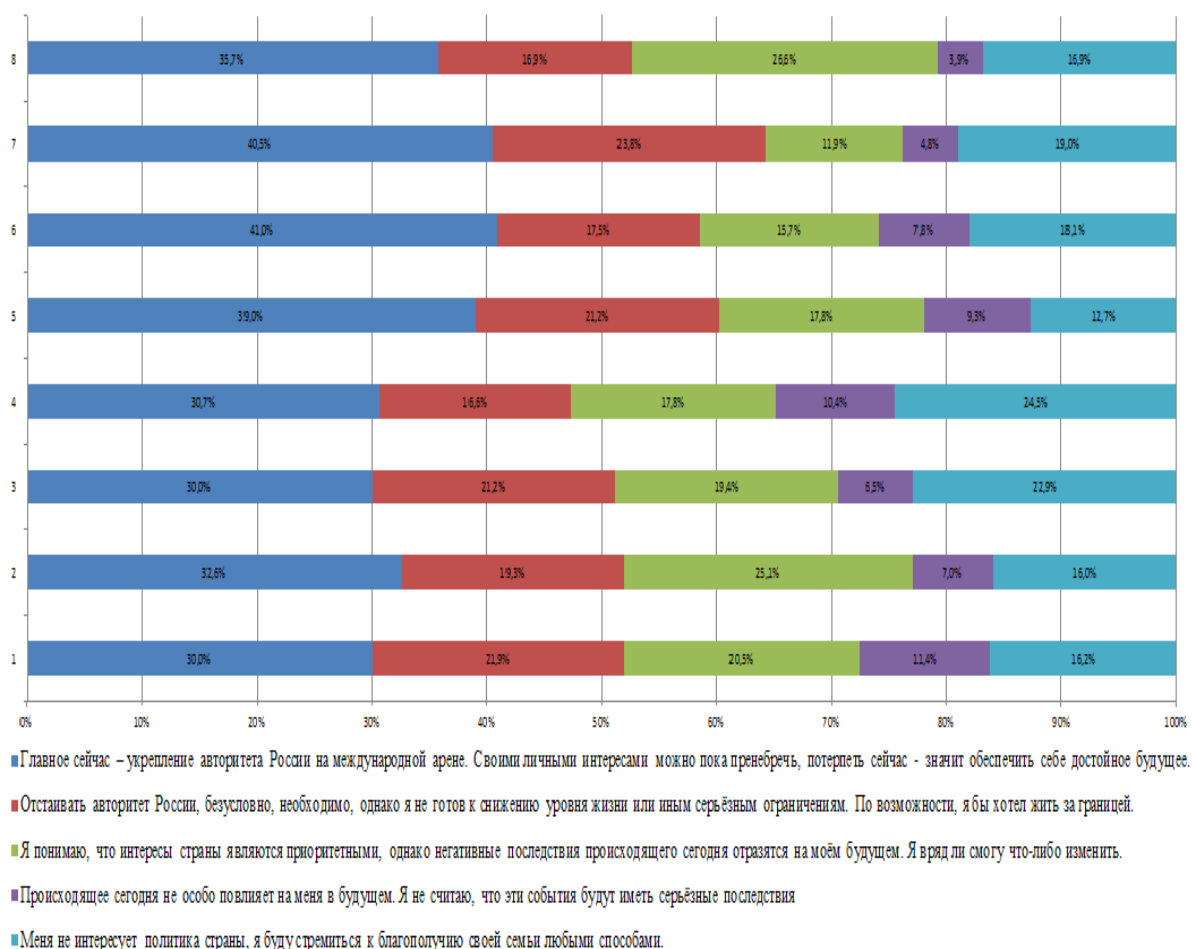

Рис. 5 – Образ будущего страны и его влияние на оценку собственного будущего различными группами молодёжи России (в процентах от количества респондентов в каждом кластере)

Вместе с тем, от 16 до 21% опрошенных молодых людей, принимая необходимость борьбы за глобальный статус страны, не желают жертвовать своим благополучием даже на короткий срок, заявляя о готовности сменить место жительства и уехать за рубеж. Значительную часть молодёжи вовсе не интересует судьба страны и политические вопросы, их приоритеты сосредоточены на качестве жизни собственной семьи: так, около четверти «бизнесменов» и «семьянинов» декларируют готовность к борьбе за индивидуальное благополучие любыми способами. Пессимистический настрой в оценке влияния происходящих геополитических событий на собственное благополучие парадоксальным образом преобладает у «харизматических лидеров» и «креативного класса» (около четверти респондентов в каждой группе). Это свидетельствует о существенном расхождении между уверенностью представителей этих групп в значимости личностных качеств и таланта как первичных условий социальной мобильности и сомнением в наличии реальных структурных возможностей для реализации данных качеств. Наименьший процент пессимистов среди «пиарщиков»: они уверены, что полагаясь на собственные коммуникативные навыки, они всегда в состоянии повлиять на собственное будущее. «Беспечных оптимистов», полагающих, что события в стране никак не отразятся на их будущем, среди молодёжи немного, наибольшее их число (около десятой части) среди групп, связывающих своё будущее с поддержкой семьи: «золотой молодёжи» и «семьянинов».

Молодёжь России по-прежнему остаётся деполитизированной – от 55 до 65% в каждом кластере не имеют политической позиции и не являются сторонниками тех или иных политических направлений. Более половины респондентов во всех группах декларируют ориентацию на патриотические ценности, что свидетельствует о наличии определённого консенсуса в российском обществе относительно значимости государственной идеологии и действенности, применяемых в последнее десятилетие механизмов её формирования. Однако рис. 6 подтверждает наличие миграционных намерений значительной части молодежи (от 12,2% «отличников» до 20,9% представителей кластера «золотая молодёжь»). Наименьший процент стремящихся покинуть страну среди молодёжи, ориентированной на образование в достижении социального статуса, – «отличников» и «интеллектуалов». Большинство из них (70,4% и 69,9% соответственно) также заявляет о национальной гордости и желании трудиться на благо своей страны.

Несмотря на декларирование патриотизма, около половины молодёжи признаёт, что в западных экономически развитых странах возможностей для самореализации и карьеры больше, чем в России. Около 20% не считают себя достаточно компетентными для осуществления подобных сравнений, остальные же полагают, что возможностей меньше, либо они одинаковы. 23% «золотой молодёжи», 22,7% «семьянинов» оценивают возможности самореализации в России как низкие или крайне низкие. Наиболее оптимистично настроены «бизнесмены»: только 9,4% считают, что в России сложно реализовать себя.

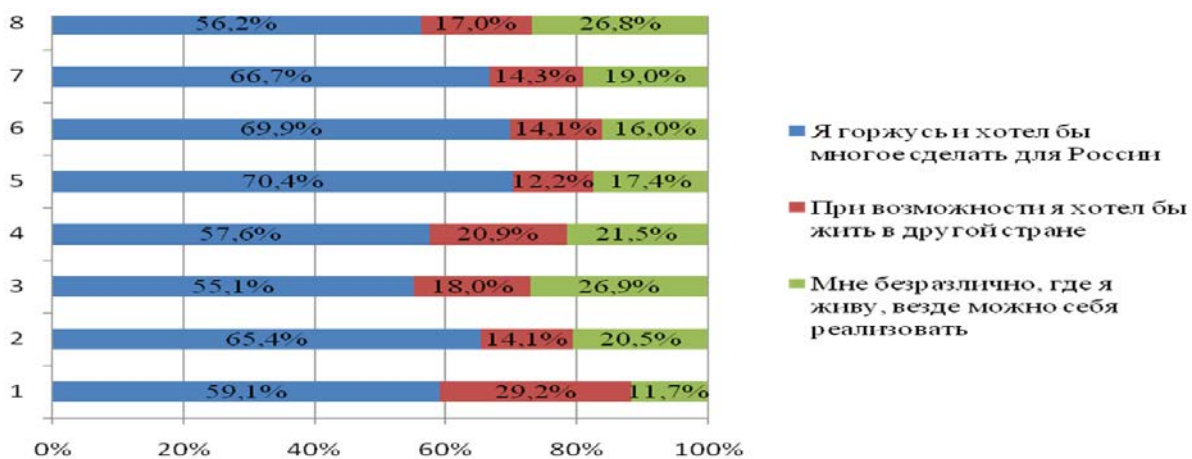

Рис. 6 – Распределение ответов на вопрос «Охарактеризуй своё отношение к тому, что ты проживаешь в России» (в процентах от количества респондентов в каждом кластере)

Итак, в отличие от советского и постсоветского периодов развития России, современная молодежь не ориентируется на какой-то единый алгоритм социальной мобильности и не исходит из единого, общего для поколения образа будущего. Образ личного будущего и выбор алгоритма его достижения сегодня не определяются только социальным статусом молодого человека, но предполагают свободу индивидуального выбора и ведущее значение личных усилий. Наличие восьми выделенных в результате исследования кластеров предполагает формирование, как минимум, стольких же моделей, алгоритмов социальной мобильности современной российской молодежи.

1.4. Логика достижения успеха и образ будущего в индивидуальных биографиях

Итак, у нас есть восемь модальных типов жизненных стратегий достижения успеха, на основании которых возможно построить модели алгоритмов социальной мобильности. Мы предпочли не включать данные типы в качестве исходных гипотез в инструментарий биографического исследования, чтобы искусственно не ограничивать ни поле отбора информантов, ни репертуар интерпретаций их высказываний. К данной типологии мы обратимся на финальном этапе анализа биографий с целью выявления возможной принадлежности информантов к тому или иному типу и содержательной репрезентации образа будущего и стратегий мобильности их представителей в сравнении с данными, полученными в ходе опроса. Мы не ставили задачи соотнесения каждой биографии с тем или иным типом, как ввиду их условности, порожденной обобщающей логикой опросного метода, так и в силу возможности сочетания противоречивых стратегий социального продвижения в границах одного жизненного пути. Небольшое число интервью создаёт определенные ограничения, поэтому мы также не ставили задачи иллюстрации индивидуальной биографией каждого из выявленных путём кластерного анализа типов.

Сопоставление результатов двух исследований позволит выявить базовые «типологические синдромы» (термин Г.Г.Татаровой [7]) в индивидуальных биографиях молодых людей, достигших определённого успеха на данном жизненном этапе, для достижения главной цели проекта – построения модели различных типов социальной мобильности молодого поколения в их связи с образом личного и социального будущего.

4.1. Стратегия сбора и анализа, данных методом биографического интервью

Каждая из девяти проведенных нами бесед представляет собой глубинное интервью, сопровождаемое лейтмотивом профессионального и личного социального продвижения на протяжении всего жизненного пути информанта. Для проведения интервью избиралась та обстановка, которая была удобна для информанта – дом, рабочее место или ресторан. Беседа записывалась на диктофон и транскрибировалась дословно, с сохранением экстралингвистических элементов разговора.

В анализе использовалась совокупность приёмов, среди которых ключевыми являются следующие:

1. секвенциональное деление текстового массива исходя из заранее заданных в концептуальной схеме и инструментарии категорий исследования
2. выявление дополнительных категорий, возникших в ходе беседы, и дальнейшее структурирование текста,
3. конденсация смысла высказываний, цитирование наиболее репрезентативных из них;
4. семиотический анализ метафорики, используемой информантом с целью самоописания, выстраивания «я-концепции», характеристики общей внешней ситуации и конкретных жизненных обстоятельств, идеализации и репрезентации образа будущего.
5. рефлексивный анализ с опорой на категориальное поле феноменологии: интенциональность высказываний, нерефлексивное (непроблематичное для информанта) знание, структурирование жизненного мира, логика выстраивания каузальных связей событий собственной биографии.

Обратимся к детальному описанию и анализу на примере двух избранных кейсов.

4.2. Кейс 1. АЛЕКСАНДР:

«Мы делали всё, что угодно, лишь бы нам не было скучно».

Нашего первого информанта зовут Александр, 27 лет, разведён, детей нет, заместитель генерального директора и совладелец агентства digital-технологий, занимающегося комплексным продвижением компаний в сети Интернет. Анализ биографического нарратива позволил нам отметить в нём сочетание типических характеристик двух кластеров, выявленных в массовом опросе: «Бизнесмены» и «Креативный класс».

Первый блок вопросов – «Социальное происхождение и история семьи» позволяет сопоставить стратегии мобильности информанта и предшествующих поколений его семьи, проследить наличие или отсутствие преемственности в биографиях.

Семейная история и память.

Александр родился в г.Радужном Ханты-Мансийского автономного округа, в настоящий момент его родители на пенсии, отец был инженером, мать работала в сфере управления персоналом и бухгалтерии, затем, когда ее муж занял руководящую позицию, она стала домохозяйкой. При ответах на вопросы относительно предыдущих поколений семьи, Александр не демонстрирует уверенности ввиду отсутствия информации о предках. Рассказ он, однако, начинает с семейной легенды о толике аристократической крови в его жилах; бабушка, по его словам, была *«французской аристократки в ссылке»*, которая влюбилась в *«работягу»*. По материнской линии его дед был ветеринаром при совхозе (*«я потом читал в книжках, это довольно-таки уважаемая должность была в то время»*), бабушка воспитывала маму, *«семь братьев и пять сестёр, по-моему...»*.

В целом, знание о семейной истории у нашего информанта довольно скудные, ограниченные набором таких фактов, как: *«деды воевали на войне, оба, причём... по маминной линии у деда руку оторвало гранатой – это единственное, что я знаю»*. Из разговора можно предположить, что родители не делились с ним подобной информацией, кроме того, наш герой прямо сообщил, что старается *«не запоминать бесполезную информацию»*.

Социализирующее влияние семьи.

О родителях же он, напротив, говорил много и охотно. Первичный этап карьеры отца проходил стремительно и мог бы служить образцом профессиональной мобильности: *«Он сразу после университета начал как-то успешно, запустил свой первый проект, дальше его поставили руководителем направления в сфере автоматизации, далее он запустил первый патент..., написал несколько трудов и его сделали уже руководителем отделения Радужного»*. После ухода с руководящей должности и из организации, он работал ведущим инженером-технологом в нефтедобывающей отрасли. Образование отца – высшее, матери – среднее техническое. Говоря о социализирующем влиянии родительской семьи, следует отметить традиционную маскулинно-ориентированную модель семьи, авторитетность отца и старшего брата, разница в возрасте с которым составляет 14 лет. Нормализована была и практика телесных наказаний: информант со смехом вспоминает, как в детстве его *«лупил»* брат в качестве меры воспитательного воздействия. О роли матери в семье, кроме ведения хозяйства, Александр не упоминает. В целом, отношения были доверительными и основывались на взаимопомощи. Родители не сопротивлялись увлечениям Александра и поддерживали его в принятии решений.

Территориальная мобильность семьи и характеристика локальных пространств.

На данный момент родители Александра по-прежнему проживают в г.Радужном и, как и многие другие представители поколения первичного освоения севера, *«все мечтают, планируют переехать жить в Тюмень»*. Тем не менее, миграционные намерения его родителей обусловлены, скорее, сложившейся мифологией, нежели реальными трудностями: *«родителям и взрослому поколению нравится этот город... да, он скучный для молодёжи, но он очень чистый, опрятный, благоприятный маленький город... для пенсионеров и для взрослых это очень удобно»*. В данном высказывании мы можем наблюдать очень показательное сочленение: *«для пенсионеров и для взрослых»*. В условиях малого провинциального города культурные запросы и досуговые практики этих групп, по всей видимости, идентичны и противопоставлены культурным запросам молодёжи: *«Мне в этом городе было скучно, причём во всех отношениях... я понимал, что там некуда расти... город Радужный - там либо работать, причем на производстве, ну либо... выразимся прямым русским текстом, - «бухать»... всё! Большие там в принципе делать нечего»*. Из города Александр, по его словам, *«убегал буквально с одной сумкой»*, причём после школы он сразу уехал в Санкт-Петербург: *«уехать хотел куда угодно, лишь бы оттуда»*. Родители поддержали, переживая лишь за то, чтобы *«он там не спился»*, вырвавшись на свободу.

Далее по логике интервью следовал блок вопросов, посвящённых детству, подростковому возрасту и периоду профессионального самоопределения.

«Да здравствует подъездная молодость!»

Подростковый возраст наш информант описывает сквозь призму альтернативной солидарности с группой сверстников в оппозиции культуре молодежного мейнстрима. В школьном возрасте он, как *«неформал с длинными волосами»*, общался только с такими же *«изгоями»*; компания состояла из гота, рэпера, металлиста и двух скейтеров. В условиях маленького города субкультурные группы, не имеющие между собой ничего общего, вынуждены солидаризироваться для того, чтобы защитить собственное право на инаковость: *«мы сошлись из-за того, что отличались от всех, и стали очень хорошими, близкими друзьями»*. Отношение родителей к неформальным увлечениям сына было негативно-снисходительным: *«сначала боролась, ... потом сказали: «Ой дурак...»*.

Ввиду суровых погодных условий, молодежный досуг перемещался в общественные пространства, изначально для этого не предназначенные. Они осваивалось и впоследствии наделялось особыми символическими коннотациями, упоминание о которых провоцирует ностальгические воспоминания у людей этого поколения: *«Это было тенденцией какой-то в то время, вся молодежь тусовалась по подъездам, ... потому что особо идти некуда было. Раз мы на Севере – это либо дожди, либо дубак постоянный, и подъезд стал таким местом, когда надо – тёплым, когда надо - прохладным»*.

Кумиры и авторитеты.

На вопрос об идеалах в подростковом возрасте Александр ответил нам следующее: *«Лет в 14-12, как и у большинства парней, - всякие черепашки – ниндзя и т.д., когда взрослеть начал ... более реальные личности начали появляться, но все равно фантастические - всякие Бэтмен, Железный человек. Сейчас для меня идеал... - это Цукерберг...этооо....Джобс, это Гейтс и им подобные»*. Градация супергероев от черепашек-ниндзя до Билла Гейтса демонстрирует горизонт ожиданий нашего информанта. Из мира повседневности он отмечает авторитетность позиции отца и брата в детстве и ранней юности.

Образование и самообразование.

Описывая школьные годы, Александр говорит о лёгкости освоения программы, отсутствии напряжения в учебной деятельности. Технические и естественные науки были приоритетными и вызывали у нашего героя неизменный интерес, что он, неизменно, связывает с отцовским влиянием: *«Физика, все вот эти технические науки... это, наверно, отцовское, генетика», «Я всегда любил математику, и отец у меня это поощрял и занимался со мной нередко»*. Предпочитая концентрироваться только на тех дисциплинах, к которым испытывал склонность, отношение к учебе в целом он характеризует понятием «раздолбайское» (*«я ЕГЭ написал за 20 минут и вышел»*).

Разносторонние способности информанта уже детстве были подкреплены формальным признанием: *«первое место по городу по плаванию, ... второе место по городу по шахматам, третье место по ХМАО по математике... ну, ничего сверхвыдающегося, в принципе»*.

После окончания школы Александр поступает в колледж на программиста и уезжает в Санкт-Петербург. После колледжа он решил, что продолжать данное обучение будет *«довольно скучно»* и поступил в ТюмГНГУ на специалитет по направлению «автоматизация систем управления», при этом совмещая учебу и работу. Следующей образовательной ступенью стала магистратура «диспетчеризация систем управления», также герой имеет и дополнительное образование – *«корочки КИПовца»*. На момент интервью Александр планировал получить зарубежное образование в сфере рекламы (*«в России рекламу делать не умеют, к сожалению»*).

Период вузовского обучения информант характеризует в категориях неоправдавшихся ожиданий, при этом заявляя об отсутствии значимости институционализированного высшего образования для его карьеры и социальной мобильности:

«Я вообще считаю учебу в вузе бесполезным занятием, честно!».

«В текущей моей деятельности и предшествующей знания университета не помо... ну, не особо помогли. Единственное, чему меня университет научил, и я ему благодарен, - это коммуникация... все изучать нужно самому, на блюдечке тебе в универе никто не принесет. Преподаватель - он тебе посоветует, да, он тебе поможет, но не более... Я безумно им благодарен, но это можно было и без обучения в университете все получить».

Поступление в вуз Александр связывает с тем, что был ленивым и не способен был проявить достаточную волю, чтобы получить знания самостоятельно: *«Юношеский максимализм не давал мне расти как личность в тот момент»*.

Следовательно, ключевым в профессиональном и личностном росте, по его мнению, является самообразование посредством коммуникации со специалистами, поездки на профессиональные «тусовки» и поиск необходимой информации в Интернете. Ввиду того, что сфера его деятельности является относительно новой, обучающая информация пока не систематизирована: *«наша сфера крайне молодая и как таковой литературы по ней еще особо нету»*.

Начало карьеры: «фриланс» и нелегальные онлайн-продажи.

После вуза Александр два года работал по специальности, но понял, что эта сфера деятельности ему не подходит: *«быстро надоело, и я попутно находил другие способы заработка, более интересные для меня на тот момент»*. Профессиональное самоопределение в биографии информанта было тесно переплетено с досуговыми практиками, а получение необходимых для работы навыков он связывает с выполнением частных заказов удаленно.

Нарратив о карьере начинается со знакомства с лучшим другом, ставшим впоследствии коллегой и совладельцем их текущего бизнеса: *«Поступив в универ, я успешно познакомился со своим, на данный момент, лучшим другом... человек был схож со мной в том, что он так же делал что угодно, лишь бы не было скучно»*. Вместе с другом они предпринимали попытки устроиться на постоянную работу «с зарплатой 20 тыщ», но каждый раз ситуация повторялась: *«скучная работа, муторная... спустя два месяца я увольнялся»*.

После этих неудачных попыток, друзья «начали искать, чем бы заработать. Мы вначале начали фрилансить, разрабатывать сайты удаленно... Мы продали несколько таких сайтов, в принципе, нам это нравилось, нам это было интересно, но, к сожалению, мы познакомились с онлайн-играми и ... нас замотало, ... мы играли по восемь часов в сутки, не буду отрицать, но мы зарабатывали... поставили весь черный рынок в онлайн-игре под себя, то есть все нелегальные, или полунелегальные, сделки проходили через нас. У нас был выход на администрацию игровых серверов, да, не без этого, и администраторам серверов платили... После этого мы создали сайт, где все рекламировалось, где все это продавалось, ну и таким образом у нас появился первый такой относительно неплохой доход».

Информант отмечает высокие заработки в продажах в сфере онлайн-игр: *«даже всеми известная игра «контрстрайк», там один скрин одного ножа стоит пятьдесят тысяч рублей»*.

«Человек взрослеющий»: поиск стабильности.

Далее Александр отмечает: *«Впоследствии, ... как любому человеку взрослеющему, ну... Он начинает искать в один момент стабильности... Да, это все круто, да, это интересно, но, ребят, я хочу меньше получить, но стабильнее».*

Следующим шагом стал серьезный проект: *«Как ни странно, нам двоим поручили сделать пожарную сигнализацию в торговом центре «Кристалл», мы ее реализовали, запустили, но когда мы увидели, какие деньги там возвращаются и сколько нам платят, мы четко поняли, что нас подло обманывают, и с осознанием этого мы уволились».* После этого Александр вернулся к разработке сайтов, а его друг устроился работать в «Арсенал» (сеть компьютерных магазинов и сервис-центров в Тюмени), где приобрел навыки ведения бизнеса. По мере накопления навыков и знаний спектр выполняемых работ расширился, от разработки они перешли к рекламе, планированию и бизнес-аналитике, *«вот в этом году однозначно станем агентством полного цикла, т.е. полностью будем проект брать «под ключ», начиная от названия проекта, заканчивая бизнес-планированием на десять лет вперед».* Стоит отметить, что на момент разговора наш информант не имел профильного образования в сфере маркетинга и рекламы, что не мешало ему заниматься данными видами деятельности.

О деловой стратегии.

Александр рассказал о стратегии развития компании, имеющей два четких приоритета: расширение и диверсификация бизнеса.

«Любой нормальный предприниматель, любой здравомыслящий человек, если у него есть возможность, то нужно развивать три-четыре сферы бизнеса, причем каждая сфера бизнеса должна кардинально отличаться от другой, потому что в случае кризиса одной, три остальные должны тащить эту сферу».

«В ближайшие два года мы планируем запустить питейное заведение, причем оно будет крайне нестандартное, третья сфера бизнеса – это, скорее всего, будет что-то связанное с неформальной тусовкой..., здесь нужно смотреть по рынку». Информант поясняет, что бар должен представлять собой не просто «пивняк для гопников», а тематическое заведение, согласующееся с его интересами, – фантастической литературой и компьютерными играми. Проект на данный момент уже на стадии разработки, имеется бизнес-план, *«рекламная кампания проработана процентов на семьдесят, единственное, остается загвоздка, что, скорее всего, придется специалистов вызывать с других городов, потому что, к сожалению, тюменские специалисты и те же художники, скульпторы и так далее, они - не тот уровень».*

Помимо этого, планируется расширение текущего бизнеса: кроме вышеупомянутого выходя на полный цикл работ, также увеличится численность сотрудников с 16-ти до 24-х человек.

О текущем профессионально-должностном статусе.

Характеризуя специфику своего труда, информант отмечает следующее: *«делаю всё, начиная с бизнес-планирования, заканчивая юридической ситуацией, а также сажусь наравне со всеми, начинаю программировать, если такая потребность возникает»*. Тем не менее, он отмечает, что *«не программировал уже месяцев семь»*, и почти полностью переключился с технической работы на маркетинг и менеджмент. Александр полностью удовлетворен своим профессиональным выбором и текущей позицией в организации: *«Обожаю эту профессию, потому что благодаря ей можно работать без исключения в любой сфере! Потому что ... работа менеджера везде, в принципе, одинакова процентов на девяносто, отличаются детали, с которыми можно разобраться ну за год максимум»*.

«Мы заставляем людей делать покупки... Шикарная фраза, мне нравится, в фильме «99 франков»: «Это я решаю, что вы будете носить завтра».

«У нас 80% студии обожают металл, остальные 20% - рэп... Мы на то и рекламики, чтобы мыслить нестандартно, за счет этого мы и делаем продажи».

Увлечённость и солидарность.

Начиная с упоминания о знакомстве с лучшим другом, местоимение «я» в нарративе информанта сменяется на «мы» (позже выяснилось, что присутствует еще и третий друг, который также является совладельцем компании). Общность интересов и мироощущения создала прочную основу солидарности: *«Эта черта характера у всех троих - мы делаем что угодно, лишь бы не было скучно... Поэтому мы договорились об одном: если мы на верхушке все вместе, значит и на дно мы также пойдем все вместе при необходимости»*; *«Когда трое, очень хорошая мотивация, потому что один только начинает раздолбайничать, и двое как пенделя отвешали - и всё! Сразу же мотивация «уровень: Бог»*.

Профессиональное сообщество.

Как уже было отмечено ранее, по словам нашего информанта, общение с коллегами и конкурентами – главный способ профессионального роста в данной сфере. На вопросы о текущем состоянии профессионального сообщества Александр отметил, что в Тюмени существует *«IT-тусовка, но там ребята, ... в основном, - технические специалисты и директора»*. Что касается специализированного сообщества веб-маркетологов, то *«был один директор агентства, он пытался эту тусовку собрать, но никому в Тюмени на тот момент не надо было»*. Поэтому наш герой периодически посещает специализированные мероприятия в других городах, отмечая Екатеринбург и Санкт-Петербург. Московская ситуация описывается отдельно в терминах жесткой иерархии компаний и сегментации рынка. В городах поменьше, по его словам, клиентов очень много, рынок не насыщен, поэтому конкуренция минимальная, что способствует взаимодействию с целью обмена опытом.

Иллюстрируя наметившуюся тенденцию дифференциации основных информационных платформ Интернета, в качестве ведущего канала получения информации и площадки профессионального взаимодействия Александр называет социальную сеть “Facebook”: *«Фейсбук» - это бизнес социальная сеть, как раз таки там все... и там актуальная информация всегда, ну ВК [социальная сеть «ВКонтакте» - прим.авт.] – они, в основном, для тинэйджеров и потупить, назовем это так...»*. Объяснить это можно различиями в политике компаний относительно конфиденциальности личных данных пользователей и степени информационной свободы, являющихся немаловажными факторами для взрослой аудитории социальных сетей.

Профессиональная географическая мобильность.

Сетевая логика веб-пространства трансформирует традиционные методы взаимодействия, снимая многие структурные ограничения пространства физического: *«Наша сфера еще великолепна тем, что мы не ограничены географически... Я даже с Канадой работал, у нас был скайпкол в 9 утра и в 9 вечера, потому что разница во времени у нас была 12 часов... Сейчас мы разрабатываем интернет-магазин по продаже кофе для Словении»*.

Однако в последующей части интервью, касающейся личных планов на будущее, имеется утверждение, демонстрирующее сохранение значимости различия центра и периферии в современных российских реалиях даже в сфере Интернет-маркетинга: *«Мне придется перебраться в Москву, я Тюмень безумно обожаю, но по роду своей деятельности мне, возможно, придется перебраться туда... потому что самые крупные, самые интересные заказы, как ни крути, они все равно в Москве, ну и, соответственно, из Москвы выход на европейские, американские площадки тоже более реален»*. Далее он уточняет, что не собирается покидать родной город совсем, а планирует жить на два города.

Оценка профессиональных достижений.

Избегая говорить о личных достижениях, информант сообщает о высокой позиции их молодой компании в общероссийских рейтингах: *«мы по России входим в тройку лучших студий мобильных приложений, входим в пятьдесят лучших студий России вообще»*.

Образ жизни и потребительские практики.

В высказываниях Александра мы наблюдаем уверенность, высокую самооценку и удовлетворённость образом жизни, ключевыми характеристиками которого являются динамика, текучесть, мультизадачность, постоянная географическая мобильность, отсутствие границ между рабочим временем и досугом, постоянная включённость в информационное поле, высокие требования к качеству жизни и креативные хобби. Проиллюстрируем это следующими высказываниями:

«Меня моя жизнь текущая сейчас устраивает, ну и скажу честно, да, не планировал, что она у меня такой будет, что у меня не будет времени даже поспать лишних пару часов».

«У меня как таковое понятие отпуска оно ... вряд ли когда-то будет..., потому что либо меня надо изолировать от компьютера и вообще всех девайсов, чтоб у меня был отпуск, потому что я могу работать в любой точке мира... и лежа на пляже, я не знаю,.. гуляя по улице, я могу работать везде».

«Я обожаю спускать деньги на свои татуировки, ... люблю качественные хорошие девайсы, люблю качественную одежду, стараюсь следить за собой».

При этом «неформальный» стиль жизни выработал у нашего героя негативную установку относительно демонстративного потребления: *«Дорого-богато» - это не ко мне. Я считаю, основное богатство - это информация, мозги и вообще эмоциональное состояние...». Он не видит никаких препятствий и структурных ограничений для достижения материального благополучия: «Если есть мозги и есть стремление куда-либо [расти], то финансового состояния несложно достичь, потому что даже офисный планктон умудряется зарабатывать по 100-200 тысяч в месяц, ни хрена не делая притом». Деньги воспринимаются как ресурс развития, а не самостоятельная ценность: «Деньги должны работать»; «Деньги для меня не главное, то есть я наверно sluкавлю, да, они имеют определенную ценность, но не настолько, как у многих людей».*

Образ личного будущего.

Мы можем наблюдать цикличность самооценки профессиональных стремлений информанта в воспоминаниях относительно разных периодов жизни – детства, ранней юности и текущего момента. Его профессиональные намерения в течение всей жизни были связаны со сферой ИТ, интерес к которой возник ещё в раннем детстве с появлением первого персонального компьютера. Очевидно, что любой ребенок мечтает в будущем заниматься тем, что ему нравится: *«меня, кроме компьютера и математики, на самом деле особо ничего не интересовало»; «сколько себя помню, всегда хотел быть программистом»* (категория желания).

Стремления периода юношества, сопряженного с увлечением онлайн-играми, характеризуется уже иначе: *«Я, наверно, как большинство парней моего возраста, ну или чуть помладше, мечтал, наверно, всегда ничего не делать и играть в компьютерные игры...»* (категория мечты). Данное высказывание представляет собой пример метонимического переноса самоидентификации на представителей поколения современников. Характеризуя период своей жизни в момент окончания колледжа и поступления в вуз, Александр отмечает, что *«в тот момент я был ленивым, и юношеский максимализм не давал мне расти как личность»*, в результате чего в его биографии был предпринят ненужный, с точки зрения информанта, шаг – поступление в вуз.

Сегодняшний образ будущего Александр формулирует предельно определённо: *«у меня есть цель к 35 годам иметь три бизнеса и свободное время свободное время уделять семье»* (категория целеполагания); *«процентов шестьдесят моих дел спланировано на полгода вперед»*

Несмотря на полную удовлетворённость своим социальным положением, *«не хватает человека иногда рядом»* и его *«нисколько не смущает возможность опять быть окольцованным, но... теперь понимаю, что мне нужна сильная личность, рядом с которой мне будет интересно, с кем мне можно будет пообщаться, временами даже поспорить, повоевать... хочу детей впоследствии, без детей я себя не вижу вообще»*.

Восприятие социального контекста и образ будущего страны.

Еще в самом начале интервью Александр сообщил, что его интересует только та информация об окружающем мире, которая входит в сферу его интересов и связана с практикой: *«Я сильно не интересуюсь политикой, потому что я не могу на нее никак повлиять, а если я не могу на нее повлиять - зачем это запоминать?»*.

Оценка изменений, происходящих в более широком социальном контексте, осуществляются посредством обращения к привычным формам категоризации повседневности: *«Весь кризис у людей в голове, потому что ну курс бакса, да, высокий, но, ребят, вы не нефтяные магнаты и не миллиардеры, вы покупаете всё за деревянные, так в чем проблема?! ... ну да, кризис ударил, у меня часть знакомых ноют: «аай все, кранты, все, стране пипец, надо вешаться». Я говорю: «Ребят, я как жил прекрасно, так и живу». Большинство загонов у людей в головах, кто на чем акцентирует внимание - вот и всё»*.

Далее в ходе беседы эта линия рассуждений усиливается; в сознании информанта жизненный мир и общественно-политическая система представляют собой два феномена, существующих параллельно друг другу: *«Даже у нас второй Сталин появится, ну и что от этого изменится, ребят?! Ну, вы будете больше и чаще ходить на цыпочках, чтоб не расстреляли, всё!»*. Взаимодействие между этими областями реальности при этом сводится к формальному подчинению людей любой действующей власти, имеющей репрессивный характер вне зависимости от политического режима.

Исходя из этих особенностей восприятия выстраивается и образ будущего страны. Отдельного анализа заслуживает следующая цитата: *«В России все будет нормально, потому что сейчас худо-бедно, но идет импортозамещение, производственники начинают потихоньку грамотно пиарить, что принесет им неплохой прирост. Следовательно, да, будут люди избегать налогов и так далее, но все равно отчисления в налоговую будут более-менее. Следовательно, государство сможет более успешно финансировать другие сферы своей деятельности, ну и шатко-валко, более-менее Россия как бы будет двигаться в правильном направлении...»*.

Полуироничную стилистика высказывания, изобилующая наречиями-фразеологизмами, можно интерпретировать как показную оптимистичность, сопряженную с уверенностью в наличии серьезных препятствий в развитии экономики. Начиная ответ на вопрос *«Как вы думаете, как будут развиваться события в нашей стране в ближайшие 10-20 лет?»* с тематики импортозамещения, информант апеллирует к наиболее близкой повседневности, регулярно артикулируемой в СМИ проблеме, тем самым вновь признавая первичным вопрос решения текущих проблем, а не рассуждений об абстрактном будущем. Вторым ведущим звеном этой цепочки рассуждений следует назвать идею необходимости *«грамотно пиарить»* товар для того, чтобы получить прибыль и внести свой вклад в развитие экономики посредством уплаты налогов. При этом, по всей видимости, пиар рассматривается в качестве ведущего инструмента на пути *«отечественного производителя»* к достижению цели, вопрос же качества продукции, организации производства, юридические, социокультурные и иные барьеры на пути импортозамещения, не говоря уже о структурных ограничениях российской экономики и инвестиционном климате в стране на текущем этапе, даже не упоминаются. Кроме того, мы также наблюдаем нормализацию теневых экономических практик в повседневных оценках бизнесмена *«новой формации»*.

Аналогично, профессиональным *«маркетинговым»* взглядом оцениваются и перспективы культурных изменений: *«Я вас умоляю, сейчас культура - это тренд, и в ближайшие лет пять она будет трендом. Следовательно, «культура» - ну это слово можно называть в ближайшие лет пять в кавычках, потому что сейчас появляется крутой арт-хаус какой-то более-менее из-за того, что просто народ истосковался, поэтому по всему, но погодите еще год и вы будете на голове волосы драть от непонятных перформансов некоторых исполнителей»*. Как мы видим, стилистика высказывания, иронично-снисходительные интонации и составные наречия сохраняются, переходя в сарказм: *«зомбоящик вообще смотреть категорически нельзя»*, в будущем, по мнению информанта, этот самый *«зомбоящик»* сохранит влияние на *«процентов шестьдесят быдла»* (*«наглядный пример - мультик «Футурама», там есть такая всем безызвестная гипножаба, вот телевидение - именно такое вот позиционирование»*), для тех же, кто стремится к саморазвитию, массовая культура - это лишь способ релаксации (*«да, они смотрят сериалы, да они тоже тупят периодически, но они делают это выборочно и, причем каждый в меру своих интересов»*).

Категоризация жизненного мира.

Рассмотренный нами биографический нарратив строится на востребованном сегодня сочетании прагматичности и эксцентричности. Эмоциональная окрашенность речи, часто повторяющиеся гиперболизирующие речевые приёмы (*«шикарный»*, *«безумно»*, *«обожаю»* и т.д.), комбинация просторечной стилистики и молодёжного арго (*«бухать»*, *«тупить»*, *«лупить»*, *«отвешать пенделя»*, *«раздолбай»* и др.), сленга геймеров (*«мотивация «Уровень:Бог»*) с

бизнес-терминологией («позиционирование», «бизнес-план» и т.п.) формируют желаемый имидж информанта, согласующийся с его жизненной стратегией. Данный кейс можно рассматривать в качестве иллюстрации типологического синдрома «креативного бизнесмена», ключевыми параметрами которого являются:

1. Сознательный инфантилизм, деконструкция «взрослости» как поведенческого и ценностного норматива. Бизнес преподносится как забавная игра, подрывающая повседневный рутинный порядок и предлагающая альтернативный, независимый образ жизни в гармонии с собственными интересами и желаниями. Наиболее часто повторяющейся категориальной парой здесь является **«интерес/скука»**:

«Как любой нормальный программист, или хороший программист, я стараюсь делать проекты, ...чтоб это было интересно,... я даже делал это бесплатно иногда, потому что просто мне это нравилось».

«Я терпеть не могу когда мне скучно, я делаю все что угодно, чтоб мне не было скучно...».

«У меня характер такой: если мне неинтересно, меня палкой не заставишь, а если мне интересно - могу сутками не спать».

Эти понятия являются ядром мотивационной структуры личности информанта, посредством них он описывает профессиональную деятельность в течение всей жизни.

2. Узкий прагматизм как фильтр, упорядочивающий информационное поле, «клиповая» техника работы с информацией. Невнимание к информации, не входящей в непосредственную область интересов является предсказуемой защитной тактикой борьбы с колоссальным количеством информационного шума. В результате такой осознанной редукции формируется способность к практическому действию, однако невнимание к более широкому социальному контексту, как мы можем наблюдать в высказываниях Александра о политике и культуре, приводит к бинарной стереотипизации действительности. У нашего информанта почти полностью нивелировано историческое видение мира, как в социальном аспекте (*«Даже если придёт новый Сталин, что изменится?»*), так и в контексте семейной памяти (*«Стараюсь не запоминать бесполезную информацию»*).

3. «Маркетинговая» стратегия коммуникации, использование элементарных кодов популярной культуры. Возможно, избранный способ репрезентации идей использовался нашим информантом с целью создания определенного имиджа или для облегчения коммуникации. Тем не менее, сам факт обращения к подобным риторическим приёмам демонстрирует особый «маркетинговый» тип мышления и способ взаимодействия: значения упрощаются и усиливаются с целью достижения мгновенной интерсубъективной близости на основании общедоступных культурных кодов. Так, люди делятся на такие категории, как: **«гопники»/ «неформалы», «быдло»/**

«постоянно развивающиеся», «офисный планктон»/ «нестандартно мыслящие». При этом информационное пространство условно имеет такие полюсы: **«зомбоящик»/ «фэйсбук».** Своей профессиональной миссией в таком случае информант считает продажу сгенерированной «нестандартно мыслящими» людьми идеи тому самому неспособному к рефлексии «быдлу» и «гипножабам», впитывающим информацию из «зомбоящика». О социальной ответственности маркетинга, о влиянии бизнеса на преобразование жизненного мира людей, пусть даже в качестве эффективной PR-кампании, упомянуто не было. Элитистское и иерархизированное видение реальности, где одни социальные группы являются ресурсом для достижения целей других – привилегированного меньшинства, становится само собой разумеющимся знанием о мире для нашего героя. На основании этого первичного уровня восприятия осуществляется процесс его профессиональной самоидентификации, эволюционировавшей от технического специалиста, создающего продукт (*«всегда хотел быть программистом»*) до продавца идей и образов (*«сейчас я больше рекламщик»*), причём продажа осуществляется не непосредственному потребителю, а другим продавцам идей и образов. Данную конструкцию легче всего передать посредством структуралистской оптики Ролана Барта [1]: над знаковой системой первого порядка надстраиваются новые означающие, образующие новый знак - культурный миф. В современных реалиях этот процесс движется в геометрической прогрессии: так, в нашем случае, маркетолог продаёт идею рекламной компании другим маркетологам, которые перепродают продукт, произведённый, возможно, на другом конце света. В этой цепочке символического обмена профессиональных дистрибьюторов образов каждый преследует индивидуальные цели и рационализирует практические действия исходя из собственной выгоды.

4. Чёткое целеполагание, планирование будущего, ощущение контроля над собственной биографией. Суждения нашего героя предельно концентрированы на выражении определенной точки зрения, он избегает демонстрации сомнения (*«в России рекламу делать, к сожалению, не умеют; «кризис у людей в головах», «в этом году однозначно станем агентством полного цикла»* и т.д.). Это касается как представлений об объективных структурах жизненного мира, так и планирования будущего. Так, информант очень часто прибегает к использованию метафоры «процентов» для оценки различных сфер жизни: *«рекламная кампания проработана процентов на семьдесят», «работа менеджера везде одинакова процентов на девяносто», «у нас 80% студии обожают металл»* и т.д. Информант полагает, что карьера и социальный статус зависят только от усилий самого человека, отсылка же к влиянию внешних факторов – это лишь способ легитимации слабых характеристик. В интервью мы не встретили ни одного суждения, даже косвенно демонстрирующего страх или сомнение в размышлениях о будущем, равно, как и выражения надежд – лишь формулировки прямого целеполагания.

5. Нормализация ряда экономических преступлений (уклонения от уплаты налогов, нелегальной торговли). Представления о тесной связи российского предпринимательства с теневыми экономическими практиками давно стало социальным стереотипом, однако наш информант не просто разделяет его, но и рассказывает о собственном опыте нелегальной коммерции в Интернете как фазы его карьеры, позволившей, наряду с законными способами заработка, накопить финансовый капитал и приобрести необходимые для бизнеса навыки.

6. Доминирование неинституциональных каналов социальной мобильности. Низкая оценка значимости высшего образования и образовательных сертификатов (*«я вообще считаю высшее образование бесполезным занятием»*), как и возможностей роста при традиционном трудоустройстве (*«нормальные работы за 20 тыщ», «офисный планктон, который ни хрена не делает»*) смещают фокус внимания информанта к накоплению и использованию социального капитала, высокой значимости межличностных контактов в достижении успеха.

Таким образом, ключевыми факторами социальной мобильности для данного типа (*«креативный бизнесмен»*) становится коммуникация в профессиональном сообществе, обеспечивающая непрерывный обмен информацией; умение адаптироваться к текущим рыночным трендам, меняя направление деятельности в случае необходимости; способность генерировать и продвигать новые идеи; способность постоянно работать в мультизадачном режиме. При этом личное будущее описывается с уверенностью и оптимизмом, социальное же будущее лежит за пределами интересов информанта, его образ сформирован посредством устойчивых стереотипов, поэтому перспективы ограничиваются лишь тем, что *«в России всё будет нормально»*.

4.3. Кейс 2. ДАРЬЯ:

«Вот что хорошо - я действительно очень быстро думаю».

Следующий информант – Дарья, 35 лет, замужем, есть дочь пяти лет, директор по информационной политике крупного информационного холдинга. По итогам анализа биография данного информанта также не позволила нам выявить принадлежность к «чистому» типу; прослеживается, однако, комбинация характерных черт двух кластеров – *«Прирожденные лидеры»* (доминирующий типологический синдром) и *«Креативный класс»*.

«До седьмого колена»: нарратив семейной памяти.

Разговор с Дарьей, следуя логике автобиографии, мы начали с описания родительской семьи и восстановления более глубокой семейной генеалогии. *«По истории маминых родителей можно кино снимать»*, - рассказывает героиня о военной драме своей семьи: *«Дедушка в плен попал, ей написали, что он без вести пропал; она с двумя близнецами, которым на тот момент было... щас скажу, сколько... 42-ой это... им было сколько... по 6 лет им было. Их эвакуировали, потому что город бомбили... Он приезжает –*

пепелище, где [родные] - неизвестно, они потом нашли друг друга с очень большой проблемой, вот с тех пор никогда не расставались. Вот сразу послевоенный ребенок - это моя мама, у неё 46-ой год [рождения], сразу после войны она у них получилась на радостях».

Отец бабушки «был врач, работал в Мариинской больнице, то есть такая достаточно интеллигентская семья была, ... что-то типа мелкой буржуазии, ну ... лошади были, особняк какой-то»; «когда шло раскулачивание, 30-е годы, потому что семья была очень работающая, жили хорошо, ну, естественно, косо посмотрели, пальцем показали; то есть семья-то нормальная, просто очень работающая».

Так же детально, с указанием мест, дат, и конкретных событий, информант описывает и историю семьи по линии отца:

«А у папы бабушка жила в оккупации, он помнит хорошо оккупацию, они жили в районе Новошахтинска, это Малороссия, рядом с Украиной. У них жил офицер, который летал бомбить Сталинград... Помнит, что было шоком, что люди, которые там [оккупанты – прим. авт.], долго пытались по мирному общаться с местным населением. Даже дошло до того, что они могли спокойно сажать детей на руки, ... доставать какой-то свой мармелад, шоколадки, угощать, показывать фотографии, что «фрау», «киндер» там...»

«Отец у папы пропал без вести на войне, потом его нашли в ходе поисковых работ в 43 году, он погиб».

Подробное описание, изобилующее личными переживаниями и воспоминаниями участников событий, воспроизводящее их с указанием конкретных дат и локаций, оказалось, возможно, благодаря бережному отношению к семейной истории: *«мой дед, которого убили, он написал книгу об истории семьи»*. Отец Дарьи (которому на момент проведения интервью было 76 лет), помимо фрагментов детских воспоминаний, которыми он делился с дочерью, *«составил по этой книге семейное древо, там чуть ли не до седьмого колена всё описано»*. Воспоминания же о материнской ветке сохранялись и транслировались благодаря личным архивным документам и фотографиям.

Романтизированная семейная история, несомненно, оказала значительное влияние на формирование ценностных установок нашей героини, как мы увидим в дальнейшем ходе беседы.

Родительская семья.

Дарья является поздним ребенком, её родители поженились в зрелом возрасте, когда их социальный статус уже был достаточно высоким (отцу было 36 лет, а матери 30): *«К моменту, когда он женился на маме, им уже давали хорошую квартиру в центре, трёшку»*. Карьера обоих родителей сложилась успешно и была связана с длительной работой в одной организации. Отец всю жизнь работал инженером в сфере геологоразведки и нефтегазодобычи, имеет два высших образования; начинал свою карьеру в крупной региональной газовой компании, затем перешёл в частную фирму, где трудился со дня основания до выхода на пенсию. Даже в преклонном возрасте отец героини

сохраняет деловую активность: *«Он очень у меня активный, шептунный человек, ему нравится быть нужным и занятым, то есть он любит очень ходить на свою работу, а в его компании считают, что он талисман, что если, не дай Бог, они с ним расстанутся - компания развалится».*

Мать героини работала экономистом в «Газпроме», также со дня основания тюменского отделения и до самой пенсии: *«У нее одна запись о приеме на работу и одна запись о выходе на пенсию. Она всю жизнь проработала в этой системе, считала скважины: что почём, как это сделать, как оптимизировать».*

Отец, по словам Дарьи, мечтал *«получить высшее образование в МГУ на журналистике»*, но ему *«не хватило одного балла»*; тем не менее, он продолжал заниматься журналистикой в качестве хобби, делал репортажи и фотографии для газет. Несомненно, дочь наблюдала и принимала участие в данных практиках, что заложило основы раннего приобщения к профессии и последующей стремительной карьеры. Связав свою жизнь с журналистикой, она воплотила родительскую мечту и несколько смягчила разочарование от жизненных неудач старшего брата, который *«в нехорошие времена умудрился нажить себе проблем».*

Территориальная мобильность семьи.

Как и многие представители сибирской интеллигенции, родители Дарьи родом не из Тюмени. Мать героини родилась в г.Порхове Ленинградской области, её дедушка *«ездил с Эрвье»*, занимаясь геологоразведкой, что предполагало кочевой образ жизни, поэтому детство матери было сопряжено с постоянными переездами (Дарья рассказывает, что ее мама в детстве *«сменила 11 школ»*). Отец, как уже было упомянуто, из Малороссии, в Тюмень попал благодаря существовавшей в СССР системе трудового распределения. Сама же Дарья ценит стабильность и категорически против любых переездов; она родилась, училась и работает в Тюмени, место жительства менять не планирует, несмотря на карьерные перспективы.

«Я была, наверное, идеальным ребенком».

В детстве героиня отличалась любознательностью и увлечённостью: *«сама научилась читать, ... мечтала стать балериной»*, тянулась *«к прекрасному»*. Творческие способности, гражданская активность и наблюдательность, лежащие в основе ее профессионального мастерства, начали проявляться очень рано: *«В 11 лет на меня нашло, что я хочу в газетах печататься. Первая моя публикация прошла, когда мне было 12 лет. В общем, вышло у меня две публикации в разных газетах в один день, даже помню, что это было 13 августа... Я просто подошла к киоску, смотрю, там в одном издании обложка с моей рожей детской наивной, с какими-то стихами... кошмар какой, Боже мой... А во второй, там что-то я ходила по городу, гуляла, увидела, что из трубы течет какая-то грязь прямо в реку... я сбегала за фотоаппаратом, поэтому талому снегу шла обратно целый час, сняла всё это, написала в газету, это всё вышло».*

Гонорары от статей являлись для неё источником карманных денег на протяжении всего периода обучения в школе. Тем не менее, как призвание Дарья журналистику не рассматривала, предпочитая ставить перед собой более сложные задачи: *«хотела стать судебным антропологом... экспертом-криминалистом»*, но, с трудом справившись с программой старших классов по химии, вынуждена была переключить внимание на специальность, поступление на которую было гарантировано.

Аналогичная высокая планка ставилась и относительно всех других занятий: *«Я ... занимались хореографией, народными танцами,.. мы с нашим "кОллэktivом" [специфическая артикуляция – прим.авт.] завоёвывали какие-то призы... Потом, бросив танцы,... я решила заняться спортом,.. пошла на фитнес»*. Описывая сложность хореографической подготовки, Дарья говорит, что стандартная нагрузка групповых фитнес-программ оказалась для неё слишком легкой: *«После этого приходишь на какую-нибудь там прыгалку, ну смешно. Поэтому я... пошла на пауэрлифтинг - тягать штангу...было очень весело. Я случайно, у меня нету документов об этом, случайно за три месяца сделала первый взрослый разряд по своей весовой категории»*. Доказывать разряд на соревнованиях Дарья не стала, потому что *«учёба очень много энергии жрала»* и *«надо было по олимпиадам бегать»*, тем не менее, вышеупомянутым фактом она, несомненно, гордится.

Очевидно, что наша героиня всю жизнь сознательно ставила перед собой сложно выполнимые, требующие значительных усилий задачи, решение которых постепенно формировало качества, необходимые для работы успешного руководителя. Кроме того, все важные решения в жизни, по словам Дарьи, она принимала самостоятельно, лишь ставя родителей в известность о собственном выборе, что позволяет сделать вывод о способах воспитания в её семье, нацеленных на формирование независимости.

«Учеба – самые страшные годы в моей жизни».

Первой реакцией Дарьи на вопрос о школьном обучении было выражение сильного отторжения: *«Я училась в серьёзной школе... я так считаю, у меня на неё не хватало IQ. Чтобы в таких оборотах ворочаться информационных и чтобы под эти критерии подходить нужно быть семи пядей во лбу, нужно быть талантливым человеком во всем... я знаю, как минимум пять человек, которые, уйдя от нас в девятом классе с тройками и двойками, закончили школы другие с золотыми медалями. О чем это говорит?!»*. Элитарное образование в одной из лучших гимназий города было сопряжено с трудностями, воспоминание о которых по-прежнему, спустя много лет, вызывает сильную эмоциональную реакцию: *«Я помню просто, что я вставала с утра там где-то уже наверно девятый, десятый, одиннадцатый [класс]... Я встаю с утра, зубы чищу, и у меня просто слезы льют оттого, что опять туда идти... Я за миллион долларов ребенка своего туда не отдам!»*.

В итоге школу она закончила с тремя тройками, ненавистью к естественным наукам и негативной установкой относительно институционализированного образования, сохранившейся на всю жизнь: *«Я считаю, что школа - это каторга. Дети наши достойны лучшего... они достойны не вот этой "дрючки" бесконечной за оценки... Они достойны, не знаю.. уважения как люди, и таланты, которые нужно развивать. Не получается... ну не знаю, ну не "дрюкай" ты этого человека, ну не надо ему эту химию, ну когда она понадобится... да?»*.

Авторитетные личности и референтные группы.

Представление о профессии в детстве и ранней юности чаще всего основывается на образах, производных от взаимодействия с реальными личностями или восприятия художественных персонажей. Такой личностью-идеалом, оказавшей влияние на формирование профессиональной идентичности героини, стала подруга тёти: *«У меня был очень серьёзный авторитет, возможно, этот человек повернул меня в эту сторону... У моей тети была подруга, они вместе гуляли с собаками, она журналистка была тогда,.. так уж она хорошо говорила и так себя необычно вела, то есть она с такой своей своеобразной подачей, очень красивой внешностью, она умела себя преподнести, она меня просто завораживала... Мне было 10 лет, когда я с ней познакомилась, я на неё смотрела, рот раскрыл, и потом эта вот женщина случайно узнала, что я какие-то стихи пишу, рассказы пишу. Она говорит: «Покажи... Слушай, так типа талант у тебя... а давай...». Я говорю: «Да ну, зачем». Она: «Неси в газету»*.

«Мне хотелось быть главным редактором, чтобы у меня был свой кабинет, и меня все боялись».

После того, как Дарья определилась с профессиональным выбором, она поступила на факультет журналистики ТГУ. Целеустремленность нашей героини сразу же позволила ей очертить горизонт карьерных ожиданий: *«Я почему-то мечтала стать главным редактором, ...мечтала, когда вот заходишь в редакцию, а там где-то в закутке, в каком-то кабинете, в своем кабинете, Боже мой, в своем кабинете сидит главный редактор, и его все боятся... и мне почему-то тоже хотелось быть главным редактором, чтобы у меня был свой кабинет, и меня все боялись... Черт! У меня до сих пор нет своего кабинета, и меня никто не боится»*. Иронизируя над собственной юношеской амбициозностью, она педалирует выражения *«в своём кабинете»* и *«чтобы меня все боялись»*, многократно усиливая их с помощью повторения; далее в ходе интервью выяснится, что в реальной профессиональной практике отношения с подчиненными у нее, напротив, скорее неформальные, нежели иерархические.

На вопрос об оценке качества полученного образования мы также можем наблюдать критическое отношение информанта: *«Вот честно, положив руку на сердце, отделение не дает ни-че-го»* [интонационно акцентирует последнее слово – прим. авт.]. Аргументирована эта позиция отсутствием практических навыков работы и некомпетентностью преподавателей:

«Не понимаю, какое право имеют преподавать люди, которые не занимаются практикой, которые ничего абсолютно не достигли, они не пишут, их не публикуют, они читают учебники и пытаются учить людей». Далее в ходе беседы выяснилось, что, по мнению информанта, мастерству журналиста и редактора вообще нельзя научить и постигается оно на интуитивном уровне: *«У нас такая сфера деятельности, что здесь научить тебя невозможно этому».*

О высшем образовании информант отзывается также с неприязнью, связанной, как и в случае со школой, с отсутствием должного уважения к личности студента и поддержки инициативных начинаний. Тем не менее, именно на факультете журналистики Дарье представился шанс реализовать себя в профессии: *«Сижу на паре, заходит преподаватель и говорит: «Срочно иди!». Я говорю: «Куда?». Он говорит: «В правительство».* В результате нашу героиню в 19 лет назначили на должность главного редактора молодёжного журнала, изначально создаваемого в рамках предвыборной кампании нового губернатора, но в итоге просуществовавшего 15 лет и пользовавшегося большой популярностью. Журнал получил признание аудитории и учредителей, о чем свидетельствуют упомянутые информантом победы на общероссийских молодёжных фестивалях и грантовая поддержка со стороны государства. Преподавательский состав же так и не воспринял проект всерьёз; в высказываниях информанта считается конфликтность и соперничество в отношениях студенчества и педагогического состава:

«Мы делали такие ошибки,... мы не профессионалы были ни разу, нигде и никак... Мы действовали чисто по чуйке по какой-то... Боже, я до сих пор помню эту статью – «Что такое «Ипотека», будь она проклята, в двухтысячных, ну, в начале,... Что нам было интересно - мы туда и тюкали. А в ТГУ над нами смеялись и даже позволяли на каких-то практикумах по нам проезжаться»;

«У меня прецедент, преподаватель, которая вела у нас профмастерство, ну я уже тогда была главным редактором,... она просто анонимно в потоке в общем мне принесла на публикацию текст, а я его завернула... Потом мне было очень неудобно».

Столь быстрый старт Дарья связывает прежде всего с удачным стечением обстоятельств и собственными личностными качествами. Прежде всего, она акцентирует излишнюю, по её мнению, самоуверенность: *«Я была жутко заносчивой в те времена, понесло-то вообще кошмар,... как говорит моя нынешняя директор, «шиферину задрало».* Вместе с тем, подобное поведение и мироощущение легитимируется в следующем же высказывании: *«Мне кажется, у кого угодно бы её задрало на самом деле... мы не ангелы, в конце концов».* Также информант считает активность, грамотное самопозиционирование и *«быстрое, антикризисное мышление»* собственными карьерными преимуществами: *«Я - «кипиш на ножках» ... Я считаю, что у меня подача белки, то есть я очень много говорю, машу руками и имитирую бурную деятельность, наверно, на кого-то это производит впечатление. А, кстати, вот что хорошо - я действительно очень быстро думаю».*

Развитие карьеры: «интересно, если есть где пошалить, куда мозги свои деть».

После молодёжного журнала героиня, которой на тот момент было 24 года, устроилась на должность шеф-редактора в проект, стремящийся стать *«первым в Тюмени таблоидом»*. Однако из-за непродуманной политики руководства он так и не состоялся, после чего Дарья перешла на работу в информационный холдинг, где трудится до сих пор. Сменив несколько должностей, на данный момент она занимает одну из позиций топ-менеджмента.

Первым шагом стала должность главного редактора ежемесячного рекламного журнала, работающего по федеральной франшизе. На данном месте героине пришлось осваивать новые практики, идущие вразрез с её убеждениями и складом характера: *«Я ни разу не продавала рекламу до этого, а нам нужно журнал рекламой упаковать... все продали, первый раз в жизни продавала, мне казалось, что я себя унижаю просто адски, потому что безобразно, я не знаю,... было, предубеждение жуткое против этой менеджерской профессии, толкать вот это, кого-то убеждать, уговаривать...фу»*. Однако профессиональный вызов собственной гордости был принят и с успехом преодолен, журнал «раскрутился», и работа в нём стала одним из важнейших этапов карьеры Дарьи.

Переход на следующую ступень, помимо успехов на текущей позиции, был связан с демонстрацией собственной востребованности на рынке труда при сохранении лояльности компании: *«Всё пыталась оттуда сбежать, звали работать в разные места, но что-то меня постоянно останавливало. В последний раз... у меня была тогда ипотека, достаточно серьезный хвост, больше миллиона, мне предлагали за вход её закрыть,.. я не знаю, почему я не пошла... Когда я сказала директору, что мне такое предлагают, он говорит: «Ты дура, я тебе столько не дам, у меня нету столько, иди». Я говорю: «Я не пойду». Он говорит: «Почему?». Я говорю: «Я не знаю, не пойду»... Естественно, никакого журнала не было, человек «чик» - разорился... Мой руководитель тогда, понимая, что я отказалась от такого, он просто меня сгреб в охапку посадил на газету»*.

Следующий этап карьеры – главный редактор регионального отделения крупной федеральной газеты – дался Дарье нелегко: *«Божечки мои... я реально рыдала, я реально рыдала каждый день наверно месяца два... Я просто рыдала, это было ужасно»*. Ближе к завершению интервью информант, говоря об этой фазе своей карьеры, добавляет: *«Как бы я не рыдала, когда пришла в эту газету, как бы газета не сопротивлялась этой «козявке» 27-летней... сейчас я считаю, что это моё самое любимое издание, любимая деточка моя»*.

После четырёх лет работы ей доверили новый информационный портал, что также являлось непростой задачей ввиду специфики работы в Интернете: *«Я там шеф-редактором объединенной редакции была... в три утра стала вставать с кровати, чтобы посмотреть трафик на своих площадках... повестку в поисковиках, Яндекс-новости... мало ли, конкуренты что-то написали, а мы тут спим»*.

Ненормированный график плюс совмещенные должности главного редактора газеты и шефа объединенной редакции привели к серьёзным проблемам: *«Я поняла, что наверно это перебор, сказала всё, идите к черту, я больше не могу!»*. Почувствовав, что не справляется, она решила освободить место: *«Дошло до психоза, я... попыталась оттуда уволиться, где-то это было года полтора назад. Три раза я писала заявление, три раза! Сначала директор его порвала, потом она опять его порвала, когда я пришла с заявлением в третий раз, я сказала: «Подпиши при мне, а то у меня самолет через четыре часа, я улетаю в отпуск с последующим увольнением»... После отпуска я знала, что я не уволена»*. Руководитель, не желая терять ценного профессионала, изменила спектр возложенных на нашу героиню обязанностей, при этом, не теряя выгоды для компании: *«Она меня как бы освободила от всей ответственности, она говорит: «Вот у меня есть сектор работ, где... приход обций составляет... 4 рубля. Ты можешь сделать так, чтоб было 5?». Получилось 15... То есть поставили такую задачу, у меня не было подчиненных, я работала сама, сколько хотела, т.е. я могла вообще не выходить, если знаю, что все нормально, все под контролем, я могу действовать из дома. Она попросила там рентабельность повысить на 25%, у меня получилось ее повысить ну... в разы,... поэтому сейчас у них будет три этих проекта, плюс моя основная работа, очень весело»*.

По словам героини, преодолев кризис, ей удалось получить работу, которая в наибольшей степени подходит для неё. Сложность поставленных задач, творческий характер труда вдохновляют Дарью, рутин же, напротив, уничтожает мотивацию: *«Теперь у меня другое... я всякие проекты придумываю интересные, совместные с руководством региона, схемы, стратегии... Это очень все интересно, если есть где пошалить, куда мозги свои деть - это очень хорошо. А когда ты сидишь как дурак от забора до обеда - это просто губительно... говорят там, вот надо решить такую-то задачу, она реально очень сложная, а ты такой: «О, [щелкнула пальцами – прим. авт.], а давайте сделаем вот так!», и побежали...»*.

Героиня пытается передать специфику текущей деятельности посредством образа гения, намерения, чувства и способ мышления которого настолько специфичны, что не могут быть понятны окружающим людям: *«Я могу прийти на работу, сесть за компьютер... я могу целый день собирать пазлы..., потому что я думаю, сижусь, ну конечно, подходят сотрудники и что-то спрашивают, какие-то бумаги приносят, тут совет надо... Большую часть дня я могу просто сидеть в наушниках, потому что мне надо вот как-то сделать так, чтобы вот этот человек мне сегодня сам перезвонил... Это очень... это, правда очень важно, т.е. кажется, что я ни хрена не делаю на самом деле, наверное. Я встаю со стула - у меня готовое решение»*.

Об отношении к профессии.

Из высказываний информанта можно составить представление о её восприятии профессии. Во-первых, работа в сфере массовой информации, по словам Дарьи, - это очень тяжёлый труд: *«Журналистика - это очень непростая работа... Я вот очень сочувствую иногда своим журналистам, потому что ногами только волки кормятся да журналисты, больше никто столько не бегают, а с нынешними технологиями нужно туда столько вкладывать, что я не знаю какой в человеке должен гореть огонь, чтобы он вот это всё не растерял в себе, это очень тяжёлый труд, это правда тяжёлый труд, там каждая история через себя пропускается, если работать по-человечески, а журналист только так и должен работать».*

Во-вторых, успешная работа в СМИ возможна только при наличии развитой интуиции, способности к предвидению, прогнозированию и быстрому принятию решений: *«У человека должен быть глаз намётан и чутье очень хорошее, ооочень хорошее, просто нужно быть очень хорошим психологом, чуть ли не менталистом... нужно понимать, как работает информационное поле, что это за механизм, чем он дышит, где ему прививку поставить, если ему плохо... это нужно понимать на каком-то интуитивном уровне».*

Героиня также говорит об ответственном отношении к работе, широкой профессиональной компетентности и полной самоотдаче как составляющих успешной карьеры в её сфере:

«Когда человеку нравится заниматься тем, чем он занимается, он это как работу-то не вполне воспринимает. Я считаю, что я не работаю, я шалю ваще просто... Очень люблю свое дело».

«Можно работать, как попало, но работать нужно хорошо, я считаю. Поэтому если ты работаешь, как попало - лучше освободи место для кого-нибудь».

«Если ты не можешь сам сделать то, чего требуешь от своих людей, значит ты не руководитель... чисто администраторы, они ничего не стоят».

По мнению Дарьи, креативные профессии и рутина несовместимы, людям её склада необходимо пространство для творческого поиска и принятия нестандартных решений: *«Когда нечего придумать и негде нашалить, становится ужасно скучно».*

О профессиональном сообществе.

Информант считает, что единого профессионального сообщества не существует, скорее, присутствуют разрозненные группы, объединенные по интересам и направлению деятельности. Посещать профессиональные мероприятия она скорее *«вынуждена»*, так как ей некомфортно на «тусовках», и она не любит *«большие сборища людей»*. Аргументирует это героиня собственными личностными особенностями: *«Я зажимаюсь, в какой-то узел завязываюсь, деформация видимо в отношении собственного "Я" и его проявлений».*

«Я ничего для себя не делаю - это большая моя ошибка»: образ жизни и межличностные отношения.

В ходе всей беседы ощущается особое, очень тёплое отношение Дарьи к семье, как родительской, так и собственной. Очевидно, что семья является для неё безусловной ценностью, которая не может быть никак связана с материальными или статусными устремлениями: *«Только голова помогает человеку изменить свой статус. Я верю, конечно, можно удачно выйти замуж, но это не сменит статус. Это – статъ, не знаю, частью интерьера чьей-то хорошей квартиры... Это полная пакость, я считаю, что брак – он для любви, а не для денег».*

Досуг Дарья также предпочитает проводить с семьёй, желательно на природе: *«Когда выпадает снег, жизнь останавливается [смеется – прим. авт.], потому что когда снега нет, мы постоянно где-то .. мы с дочкой очень любим... Я её забираю, например, в обед из сада, и едем куда-нибудь на дачу, в какой-нибудь парк... Мне дача нужна остро».* При этом текущий характер труда позволяет ей находить время для подобного досуга: *«Когда грибы – это вообще «тушите свет»... в час дня у нас останавливается любая деятельность и мы едем за грибами... воздух, воздух, воздух, воздух, там ёлочки... вот это все, надо много, чтобы травка, чтобы бабочки летали, чтобы пахло прогретой хвоей, природу очень люблю... а когда выпадает снег, я впадаю в такую тоску, и всегда знаю сколько дней грустных. Сегодня, например, сорок... Когда первое марта, я отмечаю круче, чем все люди вместе взятые отмечают Новый год».* Зимний же досуг предполагает чтение и настольные игры. Кроме того, героиня любит путешествовать: *«сейчас у меня 17 стран посещенных»; «путешествовать начала 9 лет назад, сейчас мы ездим втроем».*

Сосредотачивая все усилия на работе и семье, Дарья признает, что мало уделяет внимания своему здоровью: *«Это глобальная проблема... Записалась даже к остеопату и забыла... Вот про эти чертовы ногти я почему-то не забыла, а про то, что у меня шея болит, и спина, и колени заглокивает я забываю»; «У меня очень безалаберное отношение к здоровью, я даже зарядку не делаю, надо по идее... я все, знаешь, думаю: «Все, вот все! Вот прям завтра я пойду, запишусь в бассейн». И? Ни бассейна, ни йоги, ничего. Хотя бы на массаж... Я ничего для себя не делаю – это большая моя ошибка».*

Текущее финансовое положение героиню устраивает, она говорит о том, что деньги необходимы лишь для обеспечения рациональных потребностей и комфорта, не приветствует излишества, демонстрирует пренебрежение к статусным вещам и неприятие демонстративного потребления:

«Отношения с ними проще, с этими деньгами, и не надо их нам столько, сколько может быть»;

«Очень быстро закрываем ипотеку плюс мы стараемся ни в чем не отказывать ни себе, ни ребенку»;

«Я стремлюсь к чему: я хочу помогать родителям, я хочу пару раз в год вместе с семьей ездить куда-то на море,... хочу построить хороший дом, чтобы мы там все вместе время проводили... У меня автопром ещё и с битым крылом. Мне, кстати, не стрёмно абсолютно, что я езжу на тазике,

я так её и называю - «Лада седан – баклажан»... Мама говорит: «Какого черта ты ходишь в пухарике?». Я говорю: «Как удобно, я так и хожу». Все эти статусные вещи... вот телефон у меня простой. Деньги, они - не самоцель, деньги дают возможность что-то комфортней сделать».

«Я просто понимаю, что я не тот человек, видимо, которому деньги даны, у меня ума на это не хватит никогда, потому что деньги, они приходят только к тем людям, у которых как-то голова по-другому работает... они, знаешь, интуитивно так чувствуют. Вот смотрю на людей с деньгами и понимаю, что блин... там есть какой-то червяк, который эти денежки приманивает»;

«Можно купить машину, которая будет быстрее прогреваться, лучше заводиться, которая будет упичкана этими подушками, потому что она будет безопаснее, только с этой точки зрения, а не чтобы понты разворачивать».

Схожим образом героиня относится и к собственной внешности: «Ну надо выглядеть прилично, конечно [смеется], но... кичиться там... тыкать себе в лобешник... ботокс-жопотокс,... эти губки накачивать, «на лабутенах нах» [строка из популярной песни, высмеивающей образ «гламурной» девушки – прим. авт.]...».

Героиня не только бережно относится к семье, но также длительно сохраняет дружеские связи:

«У меня до сих пор есть две школьные подруги, с которыми мы знакомы, Господи Боже мой, 28 лет! Одна вот недавно приезжала... Мы можем не видеться год, большие, встречаемся - как будто, не знаю, мы родня...».

«Я не сторонник таких... мимолётных дружб и компаний, я сторонник людей навсегда, т.е. если хочешь что-то кому-то сказать - сто раз подумай, зачем это делать... есть подруги, мы можем не видеться вообще, годами просто, но они навсегда... Я знаю точно, что если я позвоню, скажу, не дай Бог, у меня что-то случилось - они обе будут тут. Сразу. Если, не дай Бог, у них что-то случится я тоже буду там. Если нужно поговорить, мы сядем, будем разговаривать трое суток подряд – это, мне кажется, какая-то другая ступенька дружбы».

Отношения в её коллективе также выстраиваются по принципу дружбы, на основе доверия и взаимной ответственности:

«Они могут хоть, я не знаю, из Тимбукту работать. Я им доверяю на 150%, и если им надо, значит их нет. Я знаю, что они все равно все сделают... Если я позвоню в два часа [ночи], они вскочат все и побегут, причем, я побегу с ними, иначе будет свинство... »;

«Я не люблю концелярщину, концлагерь и, я не знаю, диктатуру»;

«Я могу дать в бубен так, что звенеть будет долго, но это бывает крайне редко... Свобода - она у меня возможна только при стопроцентной ответственности, она покупается только так».

В силу специфики профессии Дарья регулярно пользуется социальными сетями, при этом утверждая, что предпочитает «В контакте», и для поддержания личных связей использует только её («терпеть не могу «Фэйсбук»).

Можно предположить, что подобная сегрегация этих двух платформ (которую отмечал и предыдущий информант), помимо разницы их политики относительно хранения личных данных пользователей, также напрямую обусловлена различиями гражданско-политической позиции их пользователей.

В целом, текущий образ жизни нашу героиню вполне устраивает. Возможность самостоятельно регулировать периоды труда и отдыха, а также комбинировать то и другое – одна из главных привилегий, которой ей удалось добиться: *«Я в полной мере счастлива от своего собственного рабочего графика. Например, вчера я приехала на работу в 12 часов дня. Мне нужно было в 10 попасть на маникюр, пока она мне там все это пилила, я сделала девять звонков».*

Образ личного будущего.

На вопрос о собственных намерениях относительно будущего героиня ответила, что принципиально не строит долгосрочные планы: *«Недавно пришла к такой вещи простой, что люди, которые говорят «не стоит жить прошлым и будущим», они очень, очень правы».* Принятие неопределенности в текущих реалиях является её жизненной стратегией:

«Понятия не имею, ваще не знаю... Мне постоянно кажется, что это потолок. Это как с падением курса рубля, постоянно кажется, что пол, сука, проваливается куда-то без конца... ну, говорят, будет 140... ну посмотрим, чё».

«Я очень долгое время парилась из-за прошлого, очень долгое время переживала, дергалась, что будет завтра, ооо боже мооой, мне вот знаешь щас хорошо, я сижу вот с тобой разговариваю и раскладываю мандариновые дольки на столе... я считаю, это великолепно, и оно, понимаешь, мне кажется, оно так должно быть во всем, это какой-то необуддизм, наверное...».

При этом Дарья смотрит в будущее с оптимизмом (*«не пропадем в любом случае»*) и имеет определенные личные цели (*«это не планы и не мечтания, у меня есть цели»*): *«Хотим мы построить дом, чтобы построить вот, знаешь, такой на газу, с душем, ну коттеджик, чтоб он стоял там зимой..., достало всё - уехал... насажать деревьев... начальница моя вот мне гортензии пообещала. Наделать там, знаешь, зон отдыха, сделать такой себе рай, чтобы приехал с работы, снял туфли и пошел розочки ковырять».*

Будучи удовлетворенной своей должностью, профессиональные стремления в настоящий момент Дарья связывает, в первую очередь, с благом других людей: *«Мне хочется, чтоб у меня сотрудники денег заработали, чтоб все были счастливы, чтоб найти им каких-то задач новых, которые им по плечу, потому что они у меня тоже растут... были девочки как девочки, потом лунатики, а сейчас вон "ух"... монстры! Причем их переманивают за гораздо большие деньги - они не уходят».* Коллектив при этом героиня описывает, используя органическую метафору, ассоциирующуюся скорее с частным, домашним, нежели рабочим пространством, что ещё раз подтверждает стирание границ между работой и досугом: *«Мне нужна команда вот эта моя, довольная, сытая и жирная такая, знаешь... довольная как кошара,*

чтоб она лоснилась и улыбалась». О планах, касающихся расширения подконтрольного ей информационного пространства (*«сейчас у нас, получается, четыре информационных площадки, а к весне будет шесть»*), героиня лишь вскользь упоминает в ходе беседы, не акцентируя на этом внимания и не артикулируя их в качестве собственных карьерных целей.

Текущие и будущие трудности в работе она связывает с действием системных экономических факторов, таких как падение спроса на рекламные услуги и сами газеты, неразвитость форм платной подписки на Интернет-издания, нехватка квалифицированных и талантливых кадров.

Восприятие ситуации и образ социального будущего.

Дарья полагает, что *«экономика сейчас плохая, очень плохая везде, у нас на рынке тем более, рекламных услуг, очень плохо...»*. Кризис, однако, она считает временным явлением, при этом уверенно демонстрируя поддержку действующей власти и неприязнь к несистемной оппозиции: *«Я за Путина вообще, честно... Людей, которые считают, что все плохо,.. говорят «Баба Яга против», я их называю «либерастами», потому что я считаю, что если ты критикуешь - так ты предлагай!»*. Ссылаясь на личный опыт общения, Дарья описывает с нескрываемым сарказмом своих политических оппонентов: *«Они визжат [смеётся], как будто им дверью прищемили какой-то орган детородный и кричат «аааа, все козлы, страна там ворует»... Я говорю: «Слушайте, вы как бабки в дачном автобусе, ну ей Богу. А делать-то чё?» - «Это не моя проблема, но все козлы»*. Подобных активистов наша героиня также именует *«внутренней либералистической угрозой»*, которая ждёт подходящего момента, сложной для страны ситуации для того, чтобы попытаться подорвать доверие к власти.

Информационная компетентность, несомненно, позволяет Дарье заявлять о достаточно полном представлении, о характере политического процесса: *«Я на 50% как минимум - жертва пропаганды, потому что я прекрасно понимаю,.. как это все делается, но я оставляю себе к этому 50% вторые,... поэтому я могу спокойно смотреть канал «Россия 24» и делать совершенно свои выводы, у меня хватает мозгов посмотреть другие источники,.. посмотреть тупо... в каких-то иностранных СМИ. Я складываю как-то картинку, и мне кажется, что мы правильно все делаем»*.

Ощущение «правильности» политического курса, однако, не избавляет Дарью от ощущения нестабильности и надвигающейся угрозы. Она с иронией упоминает о так называемых *«паник-атаках»*: *«Мне вдруг втемяшивается, видимо, в связи с каким-нибудь гормональным сбоем [смеётся]... очень веселая на самом деле история, мне почему-то показалось, что война будет, я попереживала минуты ровно полторы, вот тупо «ааа, ааа, ааа», потом я такая «таак, значит первым делом, нужно где-то раздобыть скот», то есть я начала прорабатывать стратегию выживания»*.

При вопросах относительно социального будущего первой репликой героини также была: *«Главное, чтобы не было войны»*. Она надеется, что неопределенность геополитической ситуации в скором времени разрешится,

и у неё появится возможность дать более точный прогноз: *«Я думаю, что у меня будет какое-то внутреннее представление, как оно будет дальше после выборов в Штатах. Еще, видишь, непонятно... у нас сидит Меркель... и непонятно, что там с юанем, и чем закончится вся эта катавасия в Южной Америке, потому что ну непонятно, сейчас вообще непонятно, каждый день что-то новое... я не знаю».*

Как мы можем наблюдать, подобная ситуация для Дарьи некомфортна, тем не менее, она высказывается в оптимистическом ключе: *«У нас всё будет в порядке, я уверена, что мы выкарабкаемся. Господи, я говорю, лишь бы не было войны... Я думаю рассосется, я думаю рассосется... очень серьезно работают... даже мы работаем на региональном уровне. Я же вижу, что делается, потому что очень важно людей удержать в спокойствии и в порядке... это реально очень важно. Мне кажется, правильно они все делают, ну правда правильно делают... вот честно».* Многочисленные повторы с целью увеличения убедительной силы суждения позволяют сделать вывод о высокой степени беспокойства и озабоченности развитием внешнеполитического конфликта, в позитивном разрешении которого наша героиня далеко не так уверена, как желает продемонстрировать.

По поводу оценки ситуации в сфере развития культуры, Дарья также продолжает линию рассуждений о необходимости усиления социального контроля, на сей раз аргументируя это уже террористической угрозой: *«У нас стали слишком много церквей и мечетей строить...это же тоже политика, это же не культура в чистом виде... Нужно нам местных мусульман держать в тепле и достатке, в тапочках чтоб ходили по дому, чтоб их дети не чихали, потому что мусульмане - это важно,.. все эти мечети контролируем сверху, чтобы остановить всю эту... блин, я могу тебе рассказать как оно вычисляется, откуда идет вся вербовка, как это вычисляется по социальным сетям, но это такая тема - это тема часов на 10».*

Контроль же в сферах, напрямую затрагивающих её частную жизнь, героиню, однако, не устраивает: *«Меня пугает вся эта система ЕГЭ, когда я вижу эти приколы в социальных сетях про задачки для первого-второго класса. Мне реально, мне настолько страшно становится, потому что мне ребенка через полтора года в школу отдавать, что я делать-то буду? это чтоооо вообще?».* Устойчивое отторжение системы школьного образования вызывает эмоциональную реакцию при вопросе относительно перспектив её дальнейшего развития: *«Я не знаю, я не знаю, и понятия не имею, и я не бабка Ванга, я не знаю».* Многочисленное повторение «я не знаю» свидетельствует о реальной проблематизации этой темы для информанта, связанной с её собственным негативным детским опытом: *«Оно мне не внушает никакого там ни уважения, ничего».* Единственный выход из сложившейся ситуации она видит в изменении образовательных механизмов в направлении профилизации, гуманизации и более прагматического подхода к обучению: *«Нужно более индивидуально к людям подходить, не делать из них вот эту вот быдло-массу. Образование оно у нас какое-то кондовое».*

Категоризация жизненного мира.

Помимо иллюстрации наметившихся типологических синдромов и способов их комбинирования, рассматриваемый случай интересен с позиции лингвистического анализа, ввиду яркой метафорики, используемой информантом. Самопозиционирование героини на данном этапе биографии позволяет прийти к выводу о наличии типобразующих признаков двух выделенных в количественном исследовании кластеров: акцентирование индивидуальных личностных качеств и таланта как главного фактора жизненного успеха позволяет отнести героиню к кластеру **«Прирождённых лидеров»**, однако неприятие любых форм образования и самообразования при апелляции к роли интуиции и удачи в социальном продвижении и профессиональном росте демонстрируют принадлежность также и к **«Креативному классу»**. Попытаемся проанализировать метафорический ряд и лексические конструкции, используемые информантом с целью понимания субъективно полагаемых смыслов, легитимирующих действия и ценностно-ориентированные высказывания.

Как и в предыдущем кейсе, наш информант занят в сфере творческого труда, что объясняет эмоциональную окраску речи, наличие специфических риторических приёмов:

- **метафорика дома, детства и материнства**, «мультишные» образы: креативный, нерутинный труд как *«шалость»*; газета - *«любимая деточка моя»*; интуиция в финансовых вопросах - *«червяк, приманивающий денежки»*; профессиональная интуиция - *«чуйка»*; политическая оппозиция - *«Баба Яга против»*. Повседневные практики описываются с использованием детской лексики и уменьшительных суффиксов: *«тюкать»*, *«дрюкать»*, *«заглюкивает»*, *«козявка»*, *«кроватька»*, *«ёлочки»*, *«травка»*, *«пухарик»*, *«тазик»*, *«коттеджик»* и т.п. Также встречается такой троп, как олицетворение: информационное пространство как организм, способный *«дышать»* и *«болеть»*, которому можно *«поставить прививку»*; профессиональная команда, довольная условиями труда и заработной платой как *«сытый кошара»*. Использование подобных речевых приёмов обусловлено сочетанием факторов: доминированием семьи в структуре ценностных ориентаций информанта, ситуацией проведения интервью (дома у героини), и, безусловно, преобладанием материнской роли над всеми остальными социальными ролями (у Дарьи дочь дошкольного возраста).

- **метафорика сакрального**: многократно повторяющиеся высказывания *«Господи»*, *«Боже мой»*, *«Божечки мои»*, *«не дай Бог»*, *«мы не ангелы»*, *«сделать такой себе рай»* / *«чёрт!»*, *«идите к черту»*, *«я себя унижаю просто адски»*, *«будь она проклята»*, *«чертовы ногти»*, *«какого черта»* и т.д. Несомненно, категориальная пара **«бог»/«чёрт»** используется с целью усиления риторического воздействия высказываний на собеседника и передачи переживаемого в тот или иной период времени эмоционального состояния. Обращение именно к этой области смыслов может многое прояснить в характере героини: стремление к трансгрессии как качество личности, чёткость и устойчивость ценностных и нормативных установок, стремление к контролю восприятия собственных слов, уверенность в необходимости дополнительного воздействия на собеседника с целью достижения желаемой интерпретации собственных высказываний в повседневной коммуникации.

- **метафорика угрозы**: повторяющийся образ «войны» как глобальной, неконтролируемой угрозы, способной разрушить хрупкий баланс текущего «счастья», достигнутого упорным трудом; «*страх*» как выражение неприятия ситуации, на которую невозможно непосредственно повлиять, но с которой придётся столкнуться («*реально страшно*» отдавать ребенка в школу). Данный образный ряд появляется в секвенции, касающейся представлений о будущем, что свидетельствует о растущей неуверенности в условиях нестабильности и риска. Компетентность в области геополитики, осведомленность в экономических вопросах и широкий взгляд на проблемы, сформированный длительной работой с информационным пространством приводят героиню к осознанию хрупкости текущего гармоничного баланса в её жизни. Защитная стратегия, которую она избирает, - трангрессия («*необуддизм*» как метафора созерцательного отстранения).

Сочетание типики кластеров «Прирожденные лидеры» и «Креативный класс» позволяет выделить в данной биографии, следующие лейтмотивные линии интерпретации:

1. Ярko выраженный индивидуализм, высокая самооценка информанта. Героиня полагает, что наличие незаурядных личностных качеств и способностей является решающим фактором социальной мобильности («*только голова помогает человеку изменить свой статус*»), далее следуют удача и грамотное самопозиционирование. Дарья описывает институциональный фрейм её первого карьерного шага (протекция вузовских преподавателей, государственная инициатива по учреждению журнала и его дальнейшая грантовая поддержка), однако не придаёт этому решающего значения, именуя все внешние условия «*удачей*» и «*стечением обстоятельств*». Она также не артикулирует роль социального капитала в её продвижении, утверждая, что все решения относительно профессии и карьеры с самого детства принимала самостоятельно, не упоминая о какой бы то ни было помощи со стороны семьи. Роль ближайшего окружения в детстве и ранней юности описывается в терминах мотивации (история о подруге тётки), поддержки и невмешательства (родители), контрпримера (старший брат), в настоящее время – доверительное общение и взаимопомощь в частной сфере (друзья), забота и опека (дочь). Показательно, что «*муж*» в описаниях героини фигурирует лишь единожды, растворяясь в объединяющих категориях «*мы*» и «*втроём*».

2. Стремление к «золотой середине» между креативностью, стабильностью и рутинной. Решение масштабных и сложных задач, с которыми сталкивается наша героиня, требует ряда условий: делегирование рутинного труда менее одарённым и обладающих склонностью к такого рода деятельности сотрудникам, минимизация нервного напряжения, возможность управлять собственным графиком. Очевидно, что благоприятные условия труда и высокое качество жизни как искомое состояние было достигнуто героиней ценой длительных и целенаправленных усилий. Так как данный баланс очень легко нарушить, героиня испытывает беспокойство относительно неподконтрольных ей внешних факторов, непосредственно затрагивающее и её образ будущего.

3. Патернализм руководителя. Использование материнской метафоры в беседе о работе является маркером покровительственного отношения к подчинённым («я хочу, чтобы они у меня росли»), «строгой матери», которая очень любит своих детей, но может в случае чего и прибегнуть к воспитательным санкциям («дать в бубен»).

4. Идеализированная конфигурация ценностей. Метафора «ада» и «рая» отражает высокий ценностный образец, интернализированный на ранних этапах социализации. «Полутона» для Дарьи неприемлемы, она четко разделяет ценности и антиценности, что отражается в её рассуждениях о семье, дружбе, деньгах и потреблении, необходимость идти на компромисс вызывает внутриличностный конфликт (история о необходимости продавать рекламу). В высказываниях о труде и досуге, касающихся её личной ситуации, а также в ряде обобщённых описаний (например, о профессии журналиста), присутствует дискурс самопожертвования, забвения личных интересов для достижения желаемого блага («Я ничего для себя не делаю»). Важнейшей ценностью также является долг, выражающийся в альтруистическом действии и осознании взаимной ответственности. Интерсубъективная близость в первичных группах, прочность межличностных связей как непереносимое условие удовлетворенности жизнью для информанта возможна только при соответствии этим эталонным ценностным критериям.

5. Осознание невозможности контроля над собственным будущим; страх, замаскированный демонстративным оптимизмом; эскапизм и герметичность как жизненная стратегия. Героиня предпочитает ставить краткосрочные и предельно практические цели (построить дом). Природа воспринимается как пространство бегства, ухода от нерационализируемой опасности. Рассуждения о выживании в случае войны (дом, скот, бункер, оружие) и вполне осознанное стремление подобный загородный дом построить («достало всё – уехал»), предпочтение отдыха на природе внутри замкнутой семейной ячейки любым формам культурного досуга выражают эскапистские намерения героини, вызванные стремлением сохранить достигнутое гармоническое состояние как можно дольше, уберечь его от любых внешних угроз, наличие которых ей явно ощущается.

Таким образом, ключевыми факторами социальной мобильности для данного гибридного типа («креативный лидер») становится уверенность в себе и умение себя подать, подкреплённые реальным наличием особых, незаурядных личностных качеств; удача, сопряжённая с нерелефизуемым сочетанием действия институциональных факторов и накопленного социального капитала; широта и творческий характер поставленных задач при отсутствии раздражающей рутины. Озабоченность социальным будущим приводит к осознанию беспомощности и стратегии созерцательного невмешательства, за исключением, несомненно, ответственного выполнения профессиональных обязанностей. Неустойчивость окружающей среды обуславливает необходимость разработки проекта сохранения личного благополучия, фундаментом которого становится установление границ между ингруппами и аутгруппами. Обеспечение автономии региона частной жизни, дальнейшее строительство

ограждений, способных защитить от угроз внешнего мира, культурный эскапизм – вот предпочтительные стратегии выживания в условиях неуклонно возрастающих рисков.

ВЫВОДЫ

Способ группировки, наметившийся в кластерном анализе результатов массового опроса, позволяет нам выдвинуть гипотезу о наличии восьми типологических синдромов, лежащих в основе различий алгоритмов социальной мобильности российской молодёжи. Вместе с тем, анализ двух представленных кейсов демонстрирует гибридизацию специфических свойств данных кластеров, обусловленную, помимо личностных качеств информантов, спецификой их труда. Выявленные в количественном анализе тренды относительно различий в восприятии будущего представителями различных кластеров нашли своё подтверждение в логике интерпретации данных биографического интервью: преобладание уверенности, чёткости формулировок о будущем у «бизнесменов» и сомнения, страхи относительно дальнейшего развития событий у «прирождённых лидеров».

Исходя из вышеизложенного, представляется целесообразным продолжить поисковое исследование, направив усилия на выявление логики комбинирования массовых типологических синдромов. Задачи дальнейшего этапа исследований поставим следующим образом: конструирование эмпирической типологии алгоритмов социальной мобильности на основании ряда типобразующих признаков (предписанный статус, сфера занятости молодёжи, самооценка личностных достижений и степень удовлетворенности жизнью); выявление различий между типами в контексте имеющегося у их представителей образа социального будущего и личных перспектив.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Барт Р. Мифологии. М.: Гаудеамус, 2010.
2. Бергсон А. Материя и память // Бергсон А. Собрание сочинений в 4-х тт. Т. 1. М.: Московский клуб, 1992.
3. Бабушкин В.У. Феноменологическая философия науки: критический анализ. М.: Наука, 1985. URL: <http://psylib.org.ua/books/babus01/index.htm> (Дата обращения: 21.10.2016).
4. Делёз Ж. Кино. М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2013.
5. Кант И. Критика чистого разума. М.: Мысль, 1994. URL: <http://psylib.ukrweb.net/books/kanti02/txt07.htm> (Дата обращения: 21.10.2016).
6. Рождественская Е.Ю. Биографический метод в социологии. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2012.
7. Татарова Г.Г. Основы типологического анализа в социологических исследованиях. Учебное пособие. М.: Издательский Дом «Высшее Образование и Наука», 2007.
8. Харман Г. Четвероякий объект: метафизика вещей после Хайдеггера / пер. с англ. А.Морозов и О.Мышкин. Пермь: Гиле Пресс, 2015.
9. Шютц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003.